

Евгений
СУХОВ

воровская

ОКНА

ПОРЬМОЙ ВАРЯГА НЕ СЛОМИТЬ

Евгений Евгеньевич Сухов

Тюрьмой Варяга не сломить

Серия «Варяг», книга 3

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178913
Тюрьмой Варяга не сломить: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-33847-4

Аннотация

Казенный дом ему что родная хата. И даже на чужбине, в американской тюрьме, смотрящий России Варяг доказал, чего стоит: подсадной киллер сам оказался жертвой. Но кто же на сей раз столь отчаянно желает ему смерти?.. Покровитель вывозит Варяга из-за решетки и переправляет на родину, но преследования на этом не заканчиваются. Прямо у трапа его берут в оборот загадочные «люди в штатском». Их методы не новы: подстава и шантаж, а если что не так – уберут по-тихому. Якшаться с властью смотрящему не по нутру, и он бежит, однако вскоре узнает, что его жена и сын взяты в заложники...

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	53
Глава 6	62
Глава 7	68
Глава 8	78
Глава 9	81
Глава 10	90
Глава 11	94
Глава 12	103
Глава 13	110
Глава 14	124
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Евгений Сухов

Тюрьмой Варяга

не сломить

Часть I

В американской тюрьме

Глава 1

Неожиданный визит

Телефонный звонок настойчиво врвался в сладкий предутренний сон, напоминая строгую полицейскую сирену. Еще минута, и он заполнил навязчивым звучанием огромную спальню, вырвался за пределы большого дома.

Не открывая глаз, женщина просительно сказала:

– Билли, это, наверное, опять тебя. От твоих клиентов нет покоя ни днем, ни ночью.

Билли Шустер размеренно похрапывал.

– Да возьми же наконец ты этот чертов телефон. Или, еще лучше, выбрось его в окно.

– Да-да... – сонно отозвался он и, откинувшись, с трудом

спросонок нашарил в полумраке телефонную трубку.

Глядя в потолок, Билли вслушался в навязчивый, раздавшийся с того конца провода голос, потом не спеша поднялся, надел стеганый халат и, на ходу вдев ноги в тапочки, вышел из спальни, унося с собой телефон.

Женщина слышала сквозь сон, как из большой гостиной он недовольным голосом ответил неизвестному абоненту:

– Да, слушаю.

– Это господин Шустер? Адвокат?

– Он самый. С кем имею честь разговаривать?

– Это Алекс Сидоровский.

– Я вас не знаю.

– Я бизнесмен. Веду в Америке торговые дела.

– Вы русский?

– Да. Мне бы хотелось, чтобы вы мне помогли в одном деле.

– Что за дело?

– У меня арестована партия компьютеров в Сан-Франциско.

– Кто вам меня порекомендовал?

– Господин Игнатов.

– Та-ак, подходящая рекомендация. Так что у вас там с товаром?

– Сейчас он находится на таможенных складах, хотя все документы оформлены соответствующим образом.

– А нельзя ли было позвонить... в более позднее время?

– Дело очень срочное. Я готов прямо сейчас выложить вам задаток в тридцать тысяч долларов. Вас это устроит?

Не каждый день Билли Шустеру предлагали такие деньги, тем более в качестве задатка. Из-за таких денег можно прервать даже утренний сон.

– Хорошо. Когда вы можете подъехать?

– Через полчаса, я уже в пути.

– Договорились. И расскажете мне, в чем там дело.

Женщина, закутавшись в одеяло, снова стала проваливаться в свои сновидения, по-зимнему глубокие и романтические. Уже во сне она с удовольствием подумала, что завтра Рождество, затем ее ожидают приятные предновогодние хлопоты, гости...

Мужчина положил трубку на рычаг и вернулся в спальню. Остановившись перед кроватью, он некоторое время смотрел на свою спящую подругу. Потом скинул халат и лег рядом. Приподняв одеяло, посмотрел на красивое обнаженное тело. Притянул к себе и, прижавшись и обнимая, принялся руками ласкать ее грудь, дотронулся до живота. Она что-то благодарно пробормотала, на секунду приоткрыла глаза и, снова закрыв, восхищенно сказала:

– Как я тебя хочу!.. Но никак не могу проснуться.

Билли, улыбнувшись, продолжал нежно ласкать ее тело, дотрагиваясь то до рук, то до округлых бедер.

– Еще темно, милый. Давай немножечко поспим.

Женщина попыталась отвернуться, но он не пустил ее,

ласково прошептал:

– Изабелла, у нас есть полчаса...

– Почему – полчаса? Ты думаешь, нам этого хватит? Хочу весь день, до самого Рождества, – играя, капризно сказала женщина.

– Через полчаса ко мне придут, а потом я снова к твоим услугам, и нам никто больше не помешает.

– Никаких гостей до вечера, – возразила она. – Ты обещал, что сегодня никаких дел не будет. Обещал ведь, скажи.

– Это опять русские, а они умеют хорошо платить за труд. И потом, это ненадолго, каких-то несколько минут. Ну не сердись и иди ко мне. Где твои пальчики? Ты знаешь, я уже соскучился по твоим рукам. Прошло ведь целых три часа!

Пальцы Изабеллы коснулись его живота, потом скользнули вниз.

– Ого! – Она засмеялась. – А я, глупая, теряю время!

– Знаешь, за что я тебя люблю? – вдруг спросил Билли.

– Ну? – Женщина, казалось, не слушала, ее губы скользили по его телу, он почувствовал на своем соске ее нежный язык. – Ну за что же?

– Ты единственная женщина на свете, которая с утра всегда смеется, – прошептал он и добавил, улыбаясь: – При чем повод у тебя для этого находится са-амый разный...

– Ошибаешься, милый, повод для этого у меня всегда один...

Теряя терпение, он рывком повернул ее к себе и стал при-

жиматься животом к широко раздвинутым бедрам, с восторгом ощущая утреннее тепло сильного женского тела. Изабелла что-то негромко произнесла.

– Что, милая? – наклонился он к ней, целуя во влажные губы.

– Иди ко мне, – повторила она севшим голосом.

Но Билли продолжал мучить ее, прижимаясь к ней упругой плотью, лаская ее тело, сжимая пальцами твердые, как горошины, соски. Женщина извивалась под его руками, искала губами его пальцы. Ее руки крепко обхватывали мужское тело, прижимая к себе. Доведя ее до полного изнеможения, он наконец вошел в нее, и женское тело изогнулось дугой. Теперь они двигались в общем ритме, слившись в единое целое.

Глаза женщины были закрыты, на лице была написана сладкая мука. Билли Шустер смотрел на нее не отрываясь, отмечая малейшие оттенки наслаждения, которые как в зеркале отражали его собственное состояние. Женщина то хмурила темные ровные брови, будто преодолевая какое-то препятствие, то терлась щекой о подушку, как кошка, то покусывала свою руку. Преодолевая желание отдаться потоку наслаждения, Билли замирал, и тогда женщина начинала почти яростно двигаться, не позволяя ему ни на секунду оторваться от нее. Билли чувствовал, как все внутри него дрожало от невыносимого напряжения, и, когда женщина вдруг остановилась, широко открыв глаза, изумленно и восторженно гля-

дя на него, он забыл про все запреты и бросился в последнюю атаку, уносясь вместе с возлюбленной в бездну наслаждения. Как в бреду он услышал ее крики и, содрогаясь, провалился в золотистую мглу...

– Утренняя любовь – самая сладкая, – любясь женой, мечтательно произнес мужчина.

Изабелла сидела обнаженная на низенькой мягкой табу-реточке перед зеркалом, и на ее ровной спине в свете небольшого ночника все еще виднелись капельки пота.

– Если бы не твои неотложные дела, можно было эту сладость повторить, – парировала она, кокетливо поднимая рукой тяжелую копну волос и замысловато убирая их в узел.

В прихожей раздался мелодичный звонок. Билли встал и поцеловал женщину в шею:

– Как ты это здорово умеешь делать!

– Ах ты бесстыдник!

– Ты о чем подумала? – улыбнулся Билли. – Я имею в виду манипуляции с прической.

– Это все я делаю для тебя, – раздвинув ноги, двусмысленно ответила Изабелла. – Там у нас кто-то пришел. Мне одеться? Или и так сойдет?

– Шутишь. Смотри мне. А то ведь я и впрямь отправлю тебя в таком виде встречать гостя.

Шустер накинул халат и вышел из спальни.

В гостиной был еще утренний сумрак, и он включил свет.

Подойдя ко входной двери, Билли заглянул в глазок и открыл дверь.

– Вы Алекс Сидоровский?

– Он самый, – отвечал мужчина, перешагивая порог.

Хозяин захлопнул дверь, первым вошел в гостиную, освещенную мягким боковым светом, и, направляясь к окну, за которым уже начинался зимний рассвет, на мгновение задержался возле телефонного столика, чтобы прихватить сигареты.

Он не видел, как гость, стоявший в нескольких шагах от него, вытянул вперед правую руку, в которой был пистолет с длинным глушителем, и нажал на курок.

Раздался негромкий хлопок, зажигалка выпала из мгновенно ослабевших пальцев, и Билли Шустер, так и не успев обернуться, стал падать прямо на телефонный столик. Пуля снесла половину черепа, забрызгав кровью и мозгами пол, стены, дорогой персидский ковер. Гость брезгливо отступил назад на полшага, не сводя глаз с безжизненно ткнувшегося лицом в пол тела.

Женщина, надевавшая в спальне шелковый голубой халат, услышала грохот. Бросившись к двери и распахнув ее, она увидела распростертое на ковре тело мужа. В следующее мгновение она рассмотрела его развороченный выстрелом затылок, потом – направленное на нее дуло пистолета с черной дырой, из которой вылетела и ее собственная смерть.

Боль в груди отбросила женщину назад. Падая, она удари-

лась спиной о косяк двери и медленно стала сползать вниз, на забрызганный кровью пол.

Бессмысленными глазами Изабелла смотрела вслед страшному гостю, который, сунув пистолет в карман пальто, покинул гостиную, потом перевела взгляд на труп мужа да так и осталась сидеть, чувствуя, как вместе с кровью толчками из ее тела выходит жизнь.

Открыв дверь, мужчина впустил в прихожую трех человек.

– А теперь давайте пакуйте их в мешки. Вывезем за город и закопаем. Пусть думают, что он куда-то исчез.

Глава 2

Заповедь урки

– Полная ерунда! – громко по-русски выругался Варяг и, не обращая внимания на недоуменные взгляды заключенных, вышел из телевизионного салона тюремного изолятора.

В программе местных новостей в очередной раз сообщили об аресте русского бизнесмена Владислава Игнатова, подозреваемого в причастности к убийству босса итало-американской мафии, одного из богатейших и влиятельнейших людей Калифорнии дона Монтеessori. Уже вторую неделю столь громкое дело не сходило с экранов американского телевидения. В нем было все, чтобы поднять рейтинг на небывалую высоту: два десятка убитых при весьма загадочных обстоятельствах, кроме того, за ним маячили крупные политические фигуры, а следовательно, пахивало огромными деньгами и бескомпромиссной борьбой враждующих кланов. Все сплелось в один кошмарный кровавый узел и не давало покоя журналистской братии и полиции.

* * *

Три дня назад к нему на свидание пришел Сивый, который поведал о том, что семейное дело Монтеessori стало на-

поминать корабль с отвалившимся днищем. Многочисленные недоброжелатели дона, казалось, только того и дожидались, чтобы нашелся смельчак, осмелившийся продырявить его голову, чтобы потом разодрать тело его империи на большие куски.

В одночасье его семья лишилась прибыльных мест на Атлантическом побережье: китайская мафия наняла убийц из «Триады», которые вырезали его боевиков в стриптиз-барах; якудза, поменяв учтивые поклоны на самурайский оскал, расстреляли правую руку Монтессори – Скальоне Карло. Организовались даже тихие безропотные вьетнамцы, изуродовав несколько парней дона Альберто, которые явились в их квартал для получения очередного вознаграждения.

Сивый объяснил, что империя Монтессори стала расплываться, как ветхая рубаха, каждый из его многочисленных кузенов стремится в этом большом переделе вырвать для себя хотя бы небольшой бар, и если старший сын Альберто не проявит жестокости, то от прежнего состояния дона останется только горсть мелочи.

Варягу интересно было знать все, и он подробно расспрашивал о том, как в этом переделе участвуют Грациани. Старик, как выяснилось, тоже не бездействовал – через совет семей он сумел добиться благословения донов на устранение «лейтенантов» Альберто Монтиссори, а когда отстрел состоялся, он перевел на их счета по миллиону долларов в качестве жеста милосердия. Стало понятно, что семье Мон-

тессори уже никогда более не подняться и она рассосется в многочисленных итальянских кварталах. Конечно, наиболее перспективных бойцов он возьмет себе, и если они будут стараться, то со временем сделаются даже солдатами.

Сивый был надежный партнер. Он умел не только хорошо организовывать дело, но и четко его контролировать. Варяг был уверен, что запущенная им машина движется с нарастающей скоростью, ежеминутно пополняя кругленькой суммой российский «общак».

Даже через толстое стекло Варяг чувствовал, что разговор происходит натянуто. Сивый что-то недоговаривал, а глаза его были наполнены такой тоской, как будто бы он заглядывал в лицо убитому.

– Ты что-то хочешь мне сказать? – не выдержал Варяг.

– Да... Тебе грозит опасность. Этот сучонок... Сын Альберто Монтессори нанял убийцу, – и посмотрел в сторону полицейского.

Офицера, стоящего у перегородки, совершенно не интересовало содержание разговора. Он думал об отпуске, который решил провести в Европе в обществе прехорошенькой студентки колледжа. Приятели предупреждали его, что она делит свои ласки не только с ним, но это мало его интересовало. За свои тридцать лет он впервые встретился с такой пылкой любовницей и отказаться от ее умелых и горячих ласк способен был только под стволом пистолета.

– Откуда тебе это известно? – невольно понизил голос Ва-

ряг.

И тоже перевел взгляд на счастливое лицо копа, который уже видел себя разгуливающим под Эйфелевой башней.

– Я купил эту информацию.

– Понятно. Как зовут человека, который должен меня убить? Он белый? Черный?

– Не знаю, как его зовут, но он белый. Очень большого роста.

– Ладно, разберусь, – положил Варяг телефонную трубку.

* * *

Владислав быстро шел по длинному тюремному коридору к телефонным будкам. Конечно, американский изолятор – это не Матросская Тишина, где подозреваемого учат, как свободу любить, с первого момента заключения: ни наручников, ломающих запястья, ни дубаков с суровыми лицами. У самой двери дорогу ему преградил здоровенный негр-охранник с дубинкой.

– Куда? – лениво поинтересовался он.

– Мне надо позвонить.

– Если звонить, то опоздал, приятель, – негр даже как будто бы сочувствовал русскому.

– Дружище, до отбоя еще шесть минут, а мне срочно нужно позвонить моему адвокату. Это будет короткий звонок, два слова, – сказал Варяг, глядя в глаза верзиле.

Полицейский отрицательно покачал головой.

– Нет, приятель. Ты же знаешь – время на телефонные переговоры закончилось.

– Слушай, друг, – по-английски начал заключенный и тут же, не выдержав, перешел на русский. – Сволочь ты черномазая, ты же сам – угнетенная раса, что ж ты, гнида, курвишься? Паскуда вшивая! – и широко, по-голливудски, улыбаясь, добавил, но теперь уже на хорошем английском: – Только минута! Брат! Ты даже не представляешь, как мне нужно сделать этот звонок!

По коричневому лоснящемуся лицу пробежала тень снисходительной улыбки. Охранник махнул рукой и кивнул на дверь:

– Только две минуты, – эти русские странные ребята, им всегда хочется заполучить то, чего нельзя. В чем-то они похожи на его чернокожих братьев из Гарлема.

Варяг вытащил двадцатипятицентовую монетку, бросил ее в щель аппарата, снял трубку и набрал хорошо знакомый номер. На другом конце провода раздавались длинные раздражающие гудки, еще через минуту щелкал тумблер автоответчика и беспристрастный голос (уже в который раз) извещал:

– Меня нет дома, можете оставить сообщение на автоответчике. Как только смогу, сразу вам перезвоню.

Варяг резко повесил трубку, невольно выругавшись:

– Твою мать!

«Ну куда ты подевался, сука! За что только я тебе деньги плачу. Вторую неделю тебя нет дома, адвокат долбаный. И это тогда, когда все газеты и телевидение кричат о моем аресте. Что-то здесь не так. Неужели проданся? Ах, падла! Выйду из этого гребаного изолятора – порву гада».

Светлане тоже сейчас звонить нельзя. В доме, наверное, все прослушивается федералами, наверняка ищут людей, с которыми он был связан, и в случае неосторожного звонка запросто могут выйти на Сивого.

Варяг вышел из кабинки, благодарно кивнул охраннику и в раздумье побрел к своей камере. Там он, не раздеваясь, плюхнулся на койку и стал мучительно перебирать в памяти события последних месяцев. Голова работала ясно, как никогда.

Владиславу Геннадьевичу Игнатову, российскому вору в законе по кличке Варяг, в американской тюрьме не спалось. Ему, смотрящему России, человеку, наделенному едва ли безраздельной властью, чье влияние распространялось на все тюрьмы России – от Балтийского моря на западе до Тихого океана на востоке, – распорядителю колоссального российского воровского «общака», не давало покоя то, что какой-то американский надсмотрщик дает ему указания, когда можно звонить по телефону. Су-у-ки! Владиславу хотелось кричать, затеять драку, вцепиться полицейскому в горло, но делать этого не следовало. Как никогда, нужно было проявлять хладнокровие.

Ведь только начали складываться дела, только пошли из России гигантские деньги, которые следовало немедленно пустить в прибыльные дела, и тут этот арест! Ничего не успел! Если в ближайшие дни он не сумеет выпутаться из этой дерьмовой истории, то без него остановится целый ряд гигантских сделок. Не зная всех деталей, пацаны завалят дело как пить дать!

Со стороны Владислав казался воплощением спокойствия, но в действительности его грудная клетка готова была разорваться от бушевавших страстей.

Владислав от бессилия стиснул зубы: ну где же этот долбаный адвокат Билли Шустер? Глубоко вздохнув, Варяг понемногу принялся выдыхать тонкую струйку, чувствуя, как к нему помалу возвращается утраченное спокойствие. Нужно взять себя в руки и все как следует осмыслить.

Закинув руки за голову, Владислав молча лежал на кровати, глядя в потолок. Его новый сосед по камере готовился ко сну: раздеваясь, он неторопливо, аккуратно укладывал свою тюремную робу на спинку стула. Этот аккуратизм начинал приводить Варяга в тихое бешенство. Кроме того, во внешности сидельца его что-то настораживало. А может быть, никакой опасности с его стороны не существует и в действительности его одолевают просто нервы.

Варяг заставил себя отвлечься и снова задуматься о ситуации с адвокатом.

Итак, что мы имеем? Билли Шустер примчался в тюрьму

буквально через час после ареста: адвокат компании «Интеркоммодитис» был рад служить хозяину. Его суждения, высказываемые сквозь облака табачного дыма, звучали веско и непререкаемо.

Обвинение в убийстве?

Какая чепуха... Вне всякого сомнения, следствие во всем разберется, а он сам в первую очередь сделает все, чтобы мистера Игнатова, весьма уважаемого в США бизнесмена, выпустили до суда под залог. Да и, скорее всего, никакого суда не будет! Адвокат был абсолютно уверен в этом.

Потом, приехав через два дня, Шустер уже не излучал столь безмятежной уверенности. А в процессе разговора ни с того ни с сего задал странный вопрос: сильно ли жизнь в американской тюрьме отличается от жизни в российской?

Отсюда можно сделать вывод, что адвокату что-то стало известно о российском прошлом Владислава Игнатова. Но откуда именно просочилась подобная информация? Успокаивало лишь то, что ни прокурор, ни даже ФБР документально подтвердить этого не смогут.

Варяг поднялся с койки и стал мерить шагами камеру, всякий раз прокручивая в памяти состоявшийся разговор с Билли. Варяг тогда ушел от прямого ответа, объяснив, что если разница и существует, то ему об этом ничего не известно – опыта нет.

Помнится, тогда Билли Шустер очень внимательно посмотрел на своего подопечного, на прощание сказав, что уже

запросил «добро» на освобождение мистера Игнатова под залог. Но федеральный суд почему-то задерживается с ответом, затребовав из Министерства внутренних дел России документы, связанные с деятельностью «Интеркоммодитис» и ее руководителя. Шустер ушел с обещанием снова посетить своего клиента буквально через два-три дня, оставил ему свой новый телефон, просил звонить, сказал, что будет работать дома. И вдруг пропал!

Варяг пробыл в блоке предварительного заключения федеральной тюрьмы штата Калифорния уже целых две недели. Он понимал, что за каждым его шагом уже наблюдают десятки заинтересованных глаз и что от его поведения здесь во многом зависит дальнейшая судьба. Так происходит и в российских зонах, когда в карантинном бараке расквартировывается новый этап. К новичку сначала присматриваются, и может пройти достаточно много времени, прежде чем ему предложат войти в тюремную семью. Без поддержки жить в неволе всегда трудно. И редко находится человек, который осмеливается отстранить протянутую руку. Зона – не самое лучшее место для проявления гордыни. Такого человека обламывают в два счета, как девку в первую брачную ночь. А позже сломанный хребет не распрямить уже никогда. Но часто за видимым смирением прячется мятежная натура, которая полностью раскрывается только со временем.

Варяг тоже очень внимательно приглядывался к обитате-

лям американской тюрьмы и сразу отметил, что здесь нет такой семейственности, какая существует в российских тюрьмах: заключенные кучковались скорее по расовому признаку. Наиболее крепкой и многочисленной тюремной группировкой здесь были негры. Наглые, самоуверенные, они держались вызывающе. Любимым их времяпрепровождением было шумное обсуждение американского футбола, девок, и если они не потребляли наркотики, то целыми днями играли в баскетбол и гоготали над собственными довольно примитивными шутками.

Белые также подсознательно держались вместе. По численности они занимали в изоляторе предварительного заключения второе место. Почти все до единого в цветных та-туировках, они отличались скрытым коварством и затаенной злобой: сюда попадали те, кто, видимо, имел зуб на весь белый свет.

Третью группу уголовников составляли цветные, которые были чужаками в белой и черной среде. Среди цветных значительную группу составляли индейцы, немало было китайцев, вьетнамцев и всевозможных метисов – этакий коктейль из народов, населявших Америку.

Варягу не сразу удалось определить, кто незримо стоит за этой вроде бы хаотичной разобщенной людской массой, кто решает все вопросы, затрагивающие интересы заключенных.

Этот человек никогда не выпячивался, держался очень скромно. Мало кто догадывался о том, что невысокий худо-

щавый мужчина азиатского происхождения, которого обычно все звали Стив, и есть тот, кто делал погоду в тюрьме. Стив никогда не злоупотреблял своей властью. И если Стиву требовалась буря, то ему достаточно было шепнуть на ухо одному из своих прихвостней, и тогда коридоры и камеры изолятора превращались в сущий ад, наполняясь таким грохотом, что начальник тюрьмы готов был выполнить самые прихотливые требования зэков.

Выражаясь российской феней, Стив «сухарился»: вместо себя у всех на виду он поставил огромного, под два метра ростом, молодого зэка, который объявлял волю хозяина, выдавая за свою.

В один из первых дней пребывания в изоляторе Варяг поймал на себе любопытный взгляд Стива, который, казалось, спрашивал: «Что ты за птица, русский?» И смотрящий не сомневался в том, что очень скоро должен будет дать этому человеку исчерпывающий ответ.

Владислава не мог усыпить почти курортный режим американской тюрьмы, он прекрасно осознавал, что в любой тюрьме утрата бдительности может стоить жизни, а потому с первой минуты своего заключения был напряжен, как сжатая пружина, готовая в любую секунду распрявиться и нанести обидчику ответный удар. Превратившись в одночасье из уважаемого мистера Игнатова в обыкновенного зэка, Варяг стал ощущать, как в нем воскресают прежние привычки и чувства, свойственные старому, опытному уркагану, —

недоверчивость, настороженность, хитрость, собранность.

Инстинкт самосохранения изменил даже самую походку Владислава, манеру говорить. Его сон стал чутким и беспокойным. Зэки сторонились «мистера Игнатова», потому что во всем его облике ощущалась скрытая угроза, а независимость, с которой он держался, выдавала в нем человека, прошедшего суровые жизненные испытания. Все, кто был знаком со строгим тюремным укладом, понимали, что к этому парню следует относиться с осторожностью и не стоит его задевать. В Варяге просыпался волк, хищник, который ничего не упускает из виду, ничего не забывает и не умеет прощать обид. Он был зверем, готовым дорого продать свою жизнь, защищая себя и свое жизненное пространство.

Варяг почувствовал неладное сразу же – как только ему четыре дня назад сменили сокамерника. Вместо худощавого метиса, торговца наркотиками, к нему подселили крупного мускулистого канадца, который попался на торговле оружием, за что ему светил срок по меньшей мере до двадцати пяти лет. К своему печальному будущему Джонни Кидс, так звали канадца, относился совершенно невозмутимо, был беспечен, строил планы на будущее так, будто собирался пробыть в тюрьме максимум неделю. Он был неизменно весел, никогда не терял аппетита, все свободное время проводил в спортзале, словно готовился к международным выступлениям. В тюрьме Джонни оказался далеко не в первый раз. Многие заключенные побаивались его: упорно ходили слухи, что ка-

надец увлекался на свободе не только продажей оружия, но и его применением. Говорили, что многие авторитетные люди с его помощью расправлялись с неугодными. И кличка у Джонни Кидса была красноречивая – Могильщик. Несколько лет назад была пара случаев, когда сокамерников Могильщика находили мертвыми без всяких следов насилия, с вытаращенными глазами, как будто в самый последний момент жизни им удалось заглянуть «костлявой» в запавшие глазницы и ужаснуться. Тюремный медик неизменно ставил диагноз: «самопроизвольная асфиксия».

За годы жизни Варяг привык к тому, что «костлявая» бродит за ним по пятам. Он и раньше не раз ощущал за своей спиной ее зябкое дыхание. Были годы, когда с мыслью о смерти он не только ложился, но и вставал, встречая рассвет. Для каждого серьезного вора смерть – все равно что неприятный сосед, с неизбежным присутствием которого приходится считаться. Так уж получается, что воры чаще всего оставляют бранный мир не по собственному желанию – такую любезность им оказывают недоброжелатели, которых они успевают приобрести за время своей «карьеры». Жизнь вора не похожа на существование обыкновенного человека, а потому и смерть у него, как правило, преждевременная, очень часто трудная и мучительная. Уходит из жизни вор обычно не в окружении родственников на мягкой постели, а в одиночестве и в самом расцвете сил.

Вот и сейчас опасность выглядела реальной настолько, что Варяг ощущал ее запах, слышал дыхание, чувствовал прикосновение ее холодных пальцев. Опасность окружала его. И, как всегда в таких случаях, его организм мобилизовался, включая защитные механизмы.

Варяг уже не однажды наблюдал в себе это превращение – в случае тревоги у него обострялись зрение, слух, он напоминал оголенный нерв, способный чутко реагировать на малейшее изменение интонации в голосе собеседника. Даже шутка в этом состоянии воспринималась по-особенному. Это состояние было сродни поведению дикого лесного зверя, предчувствующего приближающуюся смерть.

Одна из заповедей урки – это умение постоять за себя.

И этой заповеди Варяг свято следовал всю свою жизнь, не спуская никому ни обидного слова, ни насмешки, ни косога взгляда. То, что вокруг него зреет нечто серьезное, он почувял с первой же минуты. Законный вор ощущал вокруг себя пустоту, вакуум. Именно это заставляло его искать способ защитить себя.

Как-то после завтрака Варяг в рукаве вынес из столовой металлическую ложку. А потом в туалете, обломав ее край, заточил до остроты лезвия. Теперь он был вооружен. Заточка обрела покой в правом кармане его синей тюремной робы; не бог весть какое оружие, но по крайней мере он знал – ему потребуется лишь мгновение, чтобы извлечь его и острым жалом отразить хотя бы первую угрозу, – воткнуть заточку

в грудь неприятеля или вспороть тому аорту.

Глава 3

Вам в тюрьму, сэр?

Егор Сергеевич Нестеренко взял трубку и уверенно набрал номер.

По этому номеру он звонил крайне редко. И вовсе не потому, что опасался быть навязчивым. Просто едва ли не все проблемы он способен был разрешить собственной властью, к тому же подобное обращение от семидесятивосьмилетнего старика на том конце провода могло восприниматься как тревожные позывные могучего океанского лайнера, терпящего бедствие. А это никак не совпадало с истинным положением дел, да и не входило в планы Егора Сергеевича.

Сейчас был особый случай.

– Валентин? – коротко поинтересовался Нестеренко, когда в трубке раздался неприветливый сип.

Реакция была почти мгновенной.

– Кто это?.. Ах да. Да, конечно... – настороженные нотки сменились на почти виноватый тон.

Лишь самый ограниченный круг людей отваживался называть этого человека по имени. Все они были связаны не просто служебными узами, которые бывают подчас куда крепче кровных, их объединяло некое братство, сравнимое разве что с масонской ложей.

Но позвонивший ему сейчас был человеком совсем особо-

го рода. Он не только входил в самый верхний эшелон этого братства, но и вызывал у Валентина Семеновича почти животный страх. Так волк боится безжалостного охотника, крадущегося по чащобе с ружьем. Так сильный, опасный зверь, находящийся в клетке, опасается своего дрессировщика и поджимает хвост, словно бездомная перепуганная дворняга, от любого взмаха хозяина. Валентин Семенович боялся Нестеренко до колик в печенках, потому что знал: этот человек не ведал жалости и всегда действовал как хорошо отлаженная машина. Он сумел бы подмять под себя любого, кто посмел бы встать на его пути.

– Узнал?

– Узнал, конечно... Узнал.

– Ну вот и прекрасно. У меня к тебе будет маленькая просьба. Я сначала не хотел тебя волновать по этому пустяку, все-таки ты человек очень занятой, но, подумав, решил позвонить. Мне время нужно выиграть.

– Я слушаю, Егор Сер...

– Только не надо имен. Знаешь, к старости я стал очень суеверен. Я беспокоюсь не за себя – мне нечего бояться. Понимаешь?

– Хорошо... понимаю. Все, что в моих силах, я готов выполнять. Любую вашу просьбу. Но если только...

– Не прибедняйся, чиновнику такого ранга, как ты, это не к лицу, – доброжелательно укорил Нестеренко, – ты говоришь, как девушка по вызову, которая хочет набить себе

цену. Со всеми этими приемчиками я знаком давно, они не тобою выдуманы. Ты же знаешь: больше, чем положено, ты из меня не выжмешь. Я, конечно, не собираюсь скупиться, но есть тариф и для вашего ведомства.

Нестеренко ненадолго замолчал – пусть переварит. Пауза никогда не помешает в таких делах. На том конце провода, наконец, раздалось негромкое сопение, потом снова повисла тишина.

– Слышу, ты со мной согласен. Ну вот и лады. Мне нужно вот что. Включи-ка ты меня в группу юристов и думцев, отправляющихся в Америку. Они, насколько мне известно, хотя и поучиться уму-разуму у американских коллег, посмотреть условия их работы, образ жизни. Я тоже хочу слетать в Америку.

– Мне бы очень не хотелось вас огорчать...

– Да уж ладно, говори все как есть, без политесов!

– Все списки уже утрясены и заверены в самых высоких инстанциях. Если кого-то сейчас вычеркнуть, то это может вызвать определенные недоумения и массу вопросов. Мне бы очень не хотелось на них отвечать. – Голос Валентина Семеновича был взволнован. – И потом, если говорить откровенно, я ведь не имею никакого отношения к этой группе. Вам проще обратиться в Думу.

– Я не для того позвонил, чтобы выслушивать твои советы, куда мне проще обращаться. Ты должен твердо усвоить, что мои проблемы – это и твои проблемы тоже. Иначе я могу

просто... – Егор Сергеевич помолчал. В этот раз пауза получилась значительно длиннее. Он чувствовал, как гнетущее молчание стремительно бежит по телефонным проводам и наполняет душу собеседника все большей тревогой. – Иначе я могу потерять к тебе интерес, – спокойно и весело закончил фразу Нестеренко.

– Помилуйте... Я думал, может быть, помочь вам гостевой визой, – взмолился собеседник.

– Если бы я хотел съездить в Америку по гостевой визе, я не стал бы утруждать даже твоего секретаря. Такие визы делаются в течение двух минут. Мне нужны полномочия, которыми располагают участники этой группы парламентариев. По договоренности с американской стороной они смогут посещать даже исправительные учреждения, причем без всяких бюрократических проволочек. Так?

– Да, так. – Голос на том конце провода с каждой минутой становился все более унылым.

– Ну вот и прекрасно! Именно это мне и нужно! – не обращая внимания на тон собеседника, как ни в чем не бывало подхватил Нестеренко.

– Какую тюрьму вы планируете посетить? – голосом, полным отчаяния, спросил собеседник.

– Федеральную тюрьму в Сан-Франциско.

– Сан-Франциско? Сделать это будет чрезвычайно трудно, но я все-таки попробую. Я, конечно, не обещаю...

– А ты пообещай! – резко сказал Нестеренко. – Я не жду

другого ответа. И еще раз подчеркиваю: чтобы без всяких бюрократических штук и проволочек. Мотаться по конторам у меня нет ни сил, ни времени, да и желания никакого. Мне совершенно неинтересно, как все это будет происходить – через ходатайства адвоката, через тюремную администрацию или еще как-то. Главное, чтобы все документы были готовы. Американцы большие бюрократы, а я не хочу терять время на объяснения с чиновниками. А кроме того, если американцы шастают по нашим казематам как по собственным газонам, так почему бы нам точно так же не погулять по их территории?

– Хорошо. Я все понял, Егор Серге...

– Без имен!

– Я все понял, что еще?

– Еще вот что: надо предупредить кого следует в делегации, что я прибуду на пару дней позднее. Знаешь ли, мне ни к чему, чтобы меня кто-то видел из своих, достаточно будет того, что меня крепко запомнят американцы. А прикрываем пусть послужит международный конгресс, который проходит в Сан-Франциско, а потом в Париже.

– Вы хотели кого-то посетить в этой тюрьме? – неуверенно спросил Валентин Семенович.

– Возможно, мой драгоценный... если все будет хорошо.

– Хочу вас предупредить, что посещение заключенного может вызвать недоумение американской стороны.

– Меня американская сторона не особенно интересует.

Знаешь, в мои годы задумываться о том, какое я произвожу впечатление, непростительная роскошь. Ну, так мы с тобой обо всем договорились?

– Да, Егор Се... Обо всем.

– Ну-ну. Ты понимаешь, что через пару дней бумаги должны быть у меня?

– Не успею, дайте неделю.

– Хорошо, но чтобы через неделю все было готово, – и, не дождавшись ответа, Нестеренко положил трубку на рычаг.

Егора Сергеевича мало беспокоило, каким образом собеседник собирается выполнить его просьбу. Этот человек много лет был под контролем Нестеренко и сумел сделать свою карьеру только благодаря умению Нестеренко молчать, – когда это было нужно, разумеется.

Их «дружба» началась после того, как Валентин Семенович имел неосторожность провести вечер в одной сомнительной компании. Веселье закончилось тем, что он, тогда еще крупный партийный руководитель, изрядно выпив, сгрел в охапку словоохотливую «телку» и заперся с ней в бассейне, где вытворял с развратницей такие чудеса, на которые был способен не всякий сексуальный маньяк. Разгоряченный алкоголем и длительным воздержанием (жена Валентина Семеновича уже полгода находилась в больнице после сложного перелома ноги), он потерял голову и пару часов кряду упивался своей похотливой партнершей, оказавшейся способной на секс во всех его проявлениях. Девушка труди-

лась над членом крупного функционера столь усердно, что его возбужденные крики и отборный мат были слышны даже охране, честно несущей свою службу на территории вокруг дома. Откуда тогда было знать Валентину Семеновичу, что все помещения шикарной загородной дачи напичканы скрытыми камерами, которые беспристрастно фиксировали его сексуальную изобретательность и буйную фантазию.

Нестеренко хмыкнул, вспомнив, как вытянулась физиономия у этого молодца, когда похмелье явилось ему в облике благообразного старца, выложившего на стол государственного и партийного деятеля ворох фотографий.

А когда Егор Сергеевич через несколько лет поведал своему собеседнику о судьбе бюджетных денег, которыми тот так ловко распорядился на рубеже 1990–1991 годов, а также намекнул на причастность Валентина Семеновича к распространению фальшивых авизо, изумлению и сговорчивости последнего не было предела.

Задумчиво постучав пальцем по полированной столешнице, Егор Сергеевич снова снял трубку и, набрав номер в Вашингтоне, негромко сказал по-английски:

– Майкл? Это я.

Глава 4

Отмороженный

Как обычно, после вечерней проверки зэки расходились по камерам. Джонни Кидс по кличке Могильщик, перекиваясь с приятелями, шел не спеша по коридору, размахивая длинными руками, и никому не уступал дорогу. Он был огромен как гора, и силен, как Майк Тайсон. Весь облик канадца был воплощением самоуверенности и силы, и в то же время было очевидно, что природа вряд ли создала эту живую машину для созидания.

Таких, как Джонни-Могильщик, в российских тюрьмах называют «отмороженными». Никогда невозможно угадать, что им взбредет в голову в следующую минуту. Уголовный опыт подсказывал Варягу, что с такими типами нужно держаться всегда настороже.

Как и обычно, в 22.00 в тюрьме объявили отбой.

Варяг внимательно наблюдал за тем, как Джонни неторопливо скинул с себя рубашку, оголив мощный рельефный торс, стянул широкое трико, показав толстые, словно телеграфные столбы, ноги, и, как всегда, до раздражения аккуратно уложил свои вещи на спинку стула, и, даже не взглянув на соседа, вытянулся на койке.

Через несколько минут должен быть состояться обход. Варягу было известно, что обход в тюрьме всегда совершает-

ся в одно и то же время, причем с точностью до минуты. Неторопливая чеканная поступь надзирателей разобьет тишину коридора, затем металлическим звоном щелкнет отворяемый замок, а уже потом мощный поток света ударит с толка камеры.

Ждать пришлось недолго. Их камера была седьмой от начала коридора. Уже через пять минут Варяг услышал, как рядом стукнула затворяемая дверь соседней камеры.

Сегодня обход совершали сам начальник тюрьмы Томас Ховански и два его заместителя: оба – рослые молодые парни лет тридцати, оба – светло-русые, идеально выбритые, они очень походили друг на друга, и если бы не знать, что один из них по происхождению ирландец, а другой поляк, то можно было бы подумать, что они братья-близнецы. Похожими их делала еще и форма, которая сидела на фигурах на редкость ладно. Именно таких парней с добродушными лицами и безукоризненными зубами можно было встретить на обложках американских полицейских журналов. В России все совсем по-другому. Да и журналов о тюремных делах там нет.

В этот раз начальник тюрьмы совершал обход по ускоренному графику. Его старшая дочь – восемнадцатилетняя Катрин – уже третий день возвращалась за полночь. Он сумел сделать вид, что не заметил позднего возвращения любимицы, но через своих друзей установил, что она встречается с парнем по имени Билл, который был засвечен как один из поставщиков героина. И начальник тюрьмы лично хотел на-

нести визит парню, чтобы отговорить его встречаться с дочерью полицейского. Если его слова покажутся недостаточно красноречивыми, то он пообещает молодому ухажеру одну из камер в своей тюрьме, где негры мигом лишат его целомудрия.

Звонко лязгнул замок, дверь приоткрылась, зажегся свет. Через образовавшийся проем Варяг увидел лицо начальника тюрьмы. Несколько секунд его взгляд лениво блуждал по углам камеры, а потом он уверенно распорядился:

– Закрывай, все в порядке.

Свет погас. Варяг лежал неподвижно. В двух метрах от него, раскинувшись на койке, покоилось огромное тело канадца. Он тихо посапывал, выпуская через приоткрытый рот мощную струю воздуха, и казался воплощением безмятежности.

«Безобидный, когда спит», – вспомнил Варяг детскую шутку.

Глядя на него, охотно верилось, что свое последнее ограбление он совершил безо всякого оружия. Проломив одним ударом металлическую дверь, он вошел в здание банка и, взяв за шкурку двух стражей, так потрянул их за ворот, что они испустили дух, а потом не торопясь набил сумку сто долларовыми купюрами. Джонни Кидс попался через полчаса после ограбления, когда пытался за соседним углом уговорить дешевую проститутку отметить удачное дело.

Осторожно, прикрывшись одеялом, вор вытащил из-под

подушки заточку, большим пальцем непроизвольно попробовал ее на остроту и, прикрыв глаза, принялся, как и три предыдущих ночи, терпеливо дожидаться. Он ясно представил себе, как через часа полтора Джонни-Могильщик поднимется с кровати, в темноте тихо подкрадется к нему и, убедившись в том, что его русский сосед крепко спит, навалится на него громадной массой и станет душить изо всех сил.

Варяг представил себе, как он будет задыхаться, судорожно раскрывая рот, как его голова нальется кровью... как все вокруг потемнеет... Огромным усилием воли Варяг заставил себя очнуться от тяжелого сна. Законный с трудом разлепил глаза и уставился в темноту. Страшно хотелось спать. Бессонные ночи давали о себе знать. Нужно поскорее усыпить бдительность канадца и сделать вид, что спишь.

Повернувшись к стене, Варяг засопел и затих.

Ему снился пригород Сан-Франциско, снилась Светлана.

«... – А что она умеет делать? – спрашивала Светлана, с вожделением поглядывая на новое приобретение.

– Все, – лаконично отозвался Владислав из спальни.

– Так не бывает, – засмеялась она. – Даже ты все не умеешь.

Владислав возник на пороге.

– Бывает.

Светлана подошла к стиральной машине и осторожно погладила рукой белоснежную пластиковую поверхность.

– Стирает, выжимает, сушит?

– Гладит, «химчистит», пришивает пуговицы, – подхватил Варяг, обняв жену за плечи, – ставит заплаты, готовит обед, будит по утрам мелодичным перезвоном...

– Зачем же тебе теперь вторая жена? – склонив голову набок, прищурилась Света. – Вернее, первая?

Варяг озадачился.

– И то правда. Зачем мне тогда жена?.. – И вдруг просиял: – Знаю зачем! Но тебе не скажу. А то нос задерешь.

Она закрыла глаза, на ее губах появилась улыбка, и Владислав почувствовал на своей спине ее руки.

– А это твоя машина умеет делать? – спросила она, не открывая глаз. Она привстала на цыпочки, подставляя чуть вытянутые для поцелуя губы. – А это?..

Он поцеловал ее закрытые глаза, потом губы.

– Верно, – тихо сказал он. – Это она, подлая, не умеет, – и вздрогнул, почувствовав сзади легкий толчок.

– Встали, понимаешь, на пороге, – сказал недовольный детский голос, и в кухню протиснулся Олежка. – Пройти нельзя.

Он подошел к столу, туда, где в волшебной поблескивающей хрустальной вазочке лежали, притиснувшись друг к другу округлыми матовыми бочками, шоколадные конфеты, и быстро, пока родители были заняты, засунул одну в рот.

– Олег! – возмутилась Светлана. – Я все вижу. Как тебе не стыдно! Обед ведь скоро.

Мигом сжевав конфету, мальчишка с невинным видом

повернулся к родителям.

– Ма-ам, – начал он обходной маневр, одновременно запуская руку в вазочку, – отгадай загадку. Что такое: обычно зеленое, а нажмешь кнопку – красное?

Светлана, которая всегда простодушно попадалась на разного рода уловки, всерьез задумалась, глядя на мужа, не без восхищения наблюдавшего за сыном. Тот с фантастической скоростью опустошал вазочку.

– Что бы это могло быть, а, Владик? – спрашивала наивная мама, сосредоточенно хмурия брови.

– Сейчас узнаешь. – Варяг, посмеиваясь, вышел из кухни и уже из спальни услышал торжествующий голос сына:

– Это – лягушка в миксере!..»

...Это не был сон. Варяг теперь точно знал, что это воспоминание. Четкое, как запись киноленты, оно доставляло ему такую боль, что, просыпаясь, он еще долго чувствовал, как болят сведенные судорогой челюсти. Эта красивая женщина была его женой, мальчик – сыном, и все, что он видел будто бы во сне, было его самым дорогим, самым сокровенным воспоминанием.

Прошло около часа, прежде чем Джонни-Могильщик решился приступить к работе. Стараясь не скрипеть пружинами, он осторожно приподнялся и сел на край кровати. В полумраке фигура громилы казалась особенно впечатляющей:

гигантские формы занимали собой половину камеры, и казалось, если сейчас тот распрямится, то непременно упрется головой в потолок. Варяг почувствовал близкую развязку. От возбуждения застучала кровь в висках. Нервы были напряжены. Так как же все это будет происходить? Захочет ли канадец удавить его во сне или все же попытается разбудить перед смертью? Владислав выжидал. А Могильщик меж тем неторопливо поднялся и, сделав два осторожных шага, внимательно стал всматриваться в лицо спящей жертвы.

Ему было совершенно не жаль этого русского, впрочем, как не было жаль и всех предыдущих приговоренных, кого Могильщик собственными руками отправлял на тот свет.

За пять последних лет он сменил семь казенных домов, и в штате не находилось уже тюрьмы, куда бы он не наведася. К своим скитаниям Джонни относился так же спокойно, как к бесконечному сроку. Тюрьму он воспринимал своим домом и всякий раз старался вырвать у администрации максимум поблажек, смягчающих заточение. А для этого ему приходилось «стучать» на соседей по камере, втираться в доверие к тем, кого следствие не раскрутило до конца.

Все изменилось четыре года назад, когда его перевели в одну из тюрем северо-запада штата. Джонни Кидс знал, что эта тюрьма была построена специально для таких заключенных, как он, – у каждого были пожизненные сроки, и только счастливицы могли рассчитывать на свободу в глубокой старости.

Однажды его вызвал к себе начальник тюрьмы. В уютном кабинете, таком же мягком, как Овальная комната президента, Джонни увидел плотного человека, лет сорока, с очень короткой стрижкой, что придавало ему моложавость.

– Знакомься, Джонни Кидс, – почти по-дружески обратился начальник тюрьмы к заключенному. – А это сотрудник ФБР, начальник одного из секретнейших подразделений. Изучив твое дело, он очень хотел встретиться с тобой.

Мужчина поднялся и, протянув руку Джонни, коротко представился:

– Фрэнки. – Повернувшись к начальнику тюрьмы, добавил: – А теперь оставь нас, Роби, нам нужно кое о чем поговорить.

– Разумеется, – невесело улыбнулся полисмен, оставив сотрудника ФБР наедине с громиллой.

В этот момент Джонни Кидс неожиданно ощутил что-то похожее на страх. Теперь он знал, кто является настоящим хозяином кабинета, и не сомневался в том, что от этого плотного и уверенного в себе человека зависит его дальнейшая судьба, а быть может – жизнь.

– Присаживайся, – кивнул Фрэнки на один из стульев. А когда Джонни сел, он продолжил: – Ты, конечно, не догадываешься, зачем я тебя пригласил?

– Откуда же мне знать, сэр, я всего лишь заключенный номер семьсот семь.

– И то верно, – улыбнулся Фрэнки и присел на краешек

стола. Джонни Кидс подумал о том, что наверняка эта выходка очень не понравилась бы начальнику тюрьмы, но тот не посмел бы возражать, если бы у Фрэнки возникло желание испражниться прямо на его стуле. – Не буду тратить время на долгое вступление, но хочу сказать, что нам известно, куда ты припрятал бриллианты, которые нашел в банке.

– Вот как, – не сумел сдержать удивления Джонни.

– Сделать это было не трудно, – любезно улыбался Фрэнки. – Достаточно было наведаться к твоей подружке. Она очень неосмотрительно ведет себя, закладывает их в ломбард. А уж прятать их в морозильной камере и вовсе бы не стоило.

– Как много она их заложила?

– Четыре. Остальные дожидаются твоего возвращения... через двести сорок лет. – Улыбка Фрэнки стала еще шире. – Она ведь поджидала тебя у входа в банк, и ты очень вовремя передал ей камешки. Так что ей тоже грозит срок, как сообщнице.

– Что вам от меня нужно?

– Ты нервничаешь? – удивился Фрэнки. – Прежде чем к тебе прийти, я досконально изучил твое дело. А в нем отмечено, что ты хладнокровен и выдержан. Советую вести себя так и впредь. Такое поведение поможет избежать тебе очень многих неприятностей. Вот что, Джонни, мы с тобой деловые люди, а потому я хочу предложить тебе сделку.

– Какую еще сделку?

– Я подарю тебе эти бриллианты!

Джонни Кидс невольно хмыкнул:

– Зачем они мне нужны, если у меня пожизненное заключение.

– А вот об этом мы с тобой поговорим поподробнее. Через несколько лет я берусь вытащить тебя из этой вонючей тюрьмы. Ты получишь новый паспорт с новым именем, можешь начать другую жизнь. Обещаю тебе, что с нашей стороны не будет никакого преследования за твои старые грехи. Ты можешь даже вообще уехать из страны, это твое личное дело!

– Что я должен сделать за такой подарок?

Этот Фрэнки был ему явно симпатичен, и он готов был улыбнуться, вспомнив о том, как фэбээровец спровадил начальника тюрьмы из собственного кабинета.

– Убивать, – просто произнес Фрэнки, как будто бы говорил о каком-то невинном пустячке. – То есть то, чем ты занимался и раньше. И потом... с твоими данными это не составит большого труда.

Кидс посмотрел в глаза фэбээровцу – они были пустыми и холодными, как куски стекла. На какой-то миг он почувствовал себя в его присутствии махонькой птичкой под когтистой лапой кошки. Вот выпустит она острые коготки, и брызнут из него во все стороны остатки жизни.

– И кого же я должен убивать? – совладев с собой, через паузу пробасил Джонни.

– На кого мы укажем.

– Хм...

– Пойми меня правильно, Джонни, в этом мире слишком много зла, – печально протянул Фрэнки, – а наша задача – сделать так, чтобы его было как можно меньше. И ты нам в этом поможешь!

– Но почему именно я?!

– Ты не подумай, что наш выбор был случаен. Нам о тебе известно больше, чем ты думаешь. Знаем, что первый срок ты получил за то, что, защищая свою девушку, одному из негодяев разбил череп. Второй раз ты сел за то, что тебе понадобились деньги, чтобы отдать долг за свою подругу. Третий раз ты решил ограбить банк, чтобы безбедно прожить с очередной пассией до глубокой старости. Бедный Джонни, тебя губят женщины! – Фрэнки сочувственно покачал головой. – Да и попался ты как-то по-глупому... Это надо же было додуматься – пытаться затащить к себе проститутку, имея в сумке два миллиона долларов! И знать, что дома тебя дожидается такая очаровательная малышка, как твоя Сюзанна. Извини меня, Джонни, – развел фэбээровец руками, – но это все равно, что предпочесть сытому рождественскому пирогу постные безвкусные гренки.

Джонни Кидс даже не пытался удивляться – Фрэнки знал о нем все! Теперь бы он даже не удивился, если бы тот рассказал ему о его мыслях. Джонни уставился в окно, за которым проплывали белесые облака, – вот кого не запереть в четыре стены. Неожиданно на подоконник сел огромный во-

рон. Он был настолько черным, что даже уголь в сравнении с ним мог бы показаться светлым. Птица, наклонив слегка голову, с любопытством заглядывала в комнату, как будто бы хотела подслушать разговор.

А Фрэнки продолжал:

– В силу определенных причин мы не всегда способны вынести смертный приговор. В ряде штатов он просто отменен! Но мы обязаны рассчитывать на помощь таких людей, как ты. И ты, Джонни, должен помнить, что тем самым помогаешь не только нашему государству, но и всей демократии в целом! – Ворон за окном казался идеальным слушателем, он не сводил с Фрэнки глаз-бусинок, поворачиваясь к нему то одной, то другой стороной. – Ты поможешь нам, Джонни?

– Когда мне приступить?

– Вот это деловой разговор, – одобрительно кивнул фэбэ-эровец. – Послезавтра. Тебя переведут из этой тюрьмы в чикагскую и поселят в камеру к молодому мужчине.

– Что он за человек?

– Ему двадцать восемь лет. Только не надо его жалеть, он маньяк и извращенец. За ним восемь растерзанных трупов подростков. Ему дали пожизненное заключение. Ты же должен осознать, что ты есть божья рука, совершающая справедливый акт возмездия... Убьешь ты его не сразу, а где-нибудь через неделю, чтобы ни у кого не было сомнений, что он умер естественным путем.

Джонни понимающе кивнул:

– Я все понял и сделаю так, как нужно.

– И еще вот что. Чтобы вышло все естественно, придави его подушкой. Будет меньше шума и никакой крови.

Ворон неожиданно потерял к разговору интерес и, взмахнув большими крылами, полетел по своим птичьим делам, унося на черном хвосте неожиданную новость.

С тех пор Джонни встречался с Фрэнки Галлахером постоянно. Они настолько сблизились, что сделались почти друзьями. Джонни Кидс не знал ни в чем отказа, и по его желанию в камеру доставляли китайскую кухню, до которой он был большой охотник, а также женщин – именно они позволяли снять напряжение, которое накапливалось в нем, словно лава в кратере вулкана.

Они знали друг о друге почти все: Фрэнки не стеснялся рассказывать о том, что имеет одновременно три любовницы, самой младшей из которых исполнилось едва семнадцать, и сетовал на то, что не может привести в свой дом незаконнорожденного сына. А Джонни без опаски делился прочими «подвигами», которые не были зафиксированы полицейскими протоколами.

За время их знакомства Джонни успел побывать почти во всех штатах, и к своей «работе» он подходил изобретательно, стараясь не повторяться. А потому его сокамерников находили удушенными на собственных шнурках, с перерезанными венами, умершими «во время сна». Джонни искренне

считал, что помогает правительству Соединенных Штатов, и представлял себя неким крысоловом, борющимся с погаными тварями. Грело еще и то, что на его имя Фрэнки открыл счет и уже через год его «работы» набежала немалая сумма.

В последнюю встречу Фрэнки Галлахер был необычайно напряжен. Угостив Джонни баночным пивом, он сразу заговорил о деле.

– В этот раз твоим клиентом будет русский.

Кидс сделал большой глоток из банки и только после этого решил удивиться:

– Русский? Но как он оказался здесь?

По большому счету Джонни было все равно, кто будет следующим. За свою «карьеру» ему приходилось душить китайцев, вьетнамцев, однажды он перерезал вены кенийцу, повесил на шнурке серба. Так почему бы не быть в этот раз русскому?

– Да, русский. Он создал у нас в Америке преступный синдикат. Кто знает, может быть, через него действуют русские спецслужбы, чтобы взрыхлить нашу экономику и нанести ущерб нашей демократии. В этот раз твой гонорар будет повыше, за его голову мы даем пятьдесят тысяч долларов. Потом посидишь для приличия еще месяц-другой и будешь свободным. Можешь осесть в любой точке страны.

Допив пиво, Джонни аккуратно поставил пустую баночку на край стола.

– Ты будешь навещать меня, Фрэнки?

– Разумеется, дружище, – приобнял он Джонни за плечи. – И потом... если ты изъявишь желание, это не последнее наше дельце.

– Как скажешь, Фрэнки.

– По поводу этого русского... Все должно быть выполнено чисто! Чтобы никто не усомнился в его внезапной смерти. Умер и все! Этим русским заинтересовались российские спецслужбы, и если мы не сделаем этого сегодня, то завтра они могут найти способ перетащить его в Россию.

От выпитого пива голова приятно гудела, и Джонни пожалел о том, что не попросил Фрэнки привести с собой какую-нибудь миловидную блондинку. Он с удовольствием задрал бы на ней юбку и сделал бы ее прямо на огромном столе начальника тюрьмы.

– Я все понимаю, Фрэнки, можешь на меня рассчитывать. Я тебя не подведу.

– Именно это я и хотел услышать.

От прежнего напряжения Фрэнки на лице осталась небольшая черточка, которая криво рассекала его узкий лоб.

– Я ведь приготовил тебе подарок, – и он, отворив дверь, негромко позвал: – Малышка, Сюзанна, здесь тебя дожидается один страстный ковбой.

– Господи, – застонал Джонни, едва девушка перешагнула порог.

Сюзанна не изменилась, она была такой же привлекательной, как во время их последней встречи, а коротенькое пла-

тьице с вихляющими бедрами будоражило его воображение. Именно с этой женщиной он строил планы на будущее, именно от нее хотел иметь детей. Именно с ее подачи он получил двести сорок лет тюрьмы, именно ее он ненавидел и боготворил. И если бы захотел задушить, то неизвестно, чего больше было бы в нем: любви или ненависти.

– Я знаю, что вам есть о чем поговорить. Оставлю вас на час. Думаю, что начальник тюрьмы на меня за это не обидится, – и неторопливо прикрыл за собой дверь.

Сюзанна была смела как никогда. Одним движением она стянула с себя белые трусики и шагнула к нему навстречу. Джонни поднял девушку на руки и усадил на край стола, неторопливо распоясал брюки, а потом, крепко ухватив ладонями ее упругие бедра, медленно вошел, заставив непроизвольно вскрикнуть.

Никогда он не думал о том, что этот час, проведенный в кабинете начальника тюрьмы, станет самым сладостным в его жизни.

Усталый, отдав любви все силы, он долго гладил ее бедра, сожалея, что на восстановление потребуется время и он не сможет показать, как он ее сильно любит.

– Фрэнки сказал, что ты скоро выйдешь на свободу? – спросила она, натянув на колени слегка помятую юбку. – Это правда?

– Да.

– Но тебе же дали пожизненно, – удивленно спросила де-

вушка.

– Я должен... подписать кое-какие бумаги, детка, и тогда все уладится. В общем, я работаю на ФБР.

Сюзанна отыскала трусики среди вороха бумаг начальника тюрьмы.

– Ух ты! Как это здорово! – просунула она ноги.

Джонни вновь ощутил желание.

– Именно так, крошка, а эти ребята не умеют бросаться обещаниями.

– Когда ты выйдешь, мы купим дом в Майами?

– Когда я буду свободен, я сумею купить не один дом, а два, детка! В них хватит места для дюжины сорванцов, которыми ты меня со временем порадуешь.

– Как же это замечательно, – Сюзанна сползла со стола, достала из сумочки зеркальце и губную помаду, а потом быстро и умело подправила губы. – Боже мой, никогда не думала, что мне придется заниматься этим делом в тюрьме... да еще в кабинете начальника.

– Меня ценят, крошка, – просто произнес Джонни.

Путь к свободе для Джонни Кидса лежал отныне именно через труп этого человека, который был, может, и неплохим парнем, к тому же так лихо чесал по-английски, что практически ничем не отличался от коренного американца.

Джонни аккуратно взял со своей кровати подушку. Подобную операцию он проделывал не однажды и прекрасно

знал, что должно произойти в каждую следующую секунду.

Он навалится на свою жертву на выдохе, когда легкие будут свободны от кислорода. Клиент дернет головой, не понимая еще, что произошло, а потом, ощутив нехватку воздуха, попытается привстать и сбросить с себя тяжесть. Вот этот момент будет самым серьезным: этот русский – крепкий парень и нужно будет приложить максимум усилий, чтобы удержать его на кровати. Русский примется переворачиваться с боку на бок, пытаясь вырваться из крепких объятий, а потом, потеряв силы, успокоится навсегда.

Все так и будет.

Джонни Кидс ни на секунду не сомневался в себе. В полумраке распластавшаяся на нарах фигура спящего русского казалась ему беспомощной и не внушающей никаких опасений.

Канадец уже приподнял подушку, чтобы придавить жертву, как вдруг Игнатов резко повернулся, согнул ноги в коленях и с размаху пнул его в живот. Удар был неожиданный, очень сильный и пришелся Джонни под самую грудную клетку. Тот повалился на бок, больно стукнувшись затылком о край кровати, и беспомощно стал ловить открытым ртом воздух. А русский спокойно поднялся на ноги и, ткнув узкое заточенное железо в самое горло своего обидчика, негромко произнес:

– Если дернешься, сука, так я выпущу из тебя всю дурную кровь, поверь мне... И не дожидаться тебе тогда ни суда при-

сяжных, ни нового срока, ни даже тюремного надзирателя!

Джонни и в темноте видел красивое холеное лицо русского. Тот действовал настолько уверенно, как будто всю жизнь не расставался с тюремной заточкой. Джонни ни на секунду не сомневался, что русский продырявит ему горло при первом же неосторожном движении.

– А теперь ответь мне, приятель, как на божьем суде: кто приказал тебе убить меня?

Глава 5

Служебные неприятности

Почувствовав пальцами упругую бархатистую кожу на бедре Мерседес, Томас Ховански застонал.

Вот уже полгода эта изящная девушка сводила его с ума. Она стала его бредом, грехом, слабостью. Каждый раз, встречая мексиканку в тюремных коридорах, он едва сдерживался от того, чтобы не прижать ее тугое тело к стене и овладеть ею прямо там, под мертвенным светом люминесцентных ламп. Поляк по происхождению, Ховански, как и всякий эмигрант второго поколения, очень крепко держался за свою семью. Любящий муж, заботливый отец четверых детей, безупречный полицейский – таким он был известен всем. И только одна женщина в мире знала его как неистового, сумасшедшего любовника, способного на всякого рода безумства.

– Если бы не твои светлые волосы, – чарующе улыбаясь, говорила она при очередной встрече, – я бы подумала, что в твоих жилах течет кровь истинного латинос.

И получала в ответ очередную порцию его безумной страсти. Когда она впервые как сотрудник появилась в тюремной канцелярии и бросила на начальника тюрьмы свой колдовской взгляд, Ховански понял, что пропал. Неделю он как замороженный толкался среди канцелярских крыс только для того, чтобы лишний раз приласкать взглядом эту высокую,

смуглую, черноволосую красавицу, которая неизменно отвечала ему призывным взглядом карих, миндалевидной формы глаз.

На восьмой день их знакомства они уже совокуплялись в его кабинете, как два обезумевших от страсти диких зверя. Их первая встреча стоила тюремной администрации пары разбитых ваз, сломанного стула и кучи смятых и безнадежно испорченных документов. С тех пор накал этих встреч практически не изменился, только Томас предусмотрительно убирал хрупкие предметы и старался держаться подальше от мониторов внутреннего обзора, стоявших в противоположном от его стола конце кабинета.

Голубоватые экраны сейчас были единственным источником освещения в кабинете, и в их призрачном свете смуглая кожа Мерседес приобрела фантастический сиреневый оттенок.

– До чего же ты хороша, малышка, – прошептал Ховански, вдыхая ее запах. – Ты пахнешь, как дикая кошка.

Он сидел в кресле, а Мерседес стояла перед ним, слегка облокотившись о стол. Его рука двинулась вверх по ее бедру, задирая юбку. Тело Мерседес выгнулось, сверкнули в полумраке ее зубы. Эта невероятная женщина всегда улыбалась, занимаясь любовью. Томас почувствовал дрожь в своем теле, но все еще продолжал медленно, как бы лениво ласкать ее, наслаждаясь этими мгновениями покоя перед битвой, дожидаясь, пока нарождающаяся страсть не захватит его целиком,

заставляя забыть обо всем на свете: о жене, детях, карьере, об этих ублюдках-заключенных и о мерцающих во мраке мониторах. На одном из мониторов застыл интерьер двухместной камеры в блоке предварительного заключения. В камере царил мрак – нары с лежащими на них заключенными были видны только благодаря телекамере инфракрасного излучения, специально установленной в потолке под вентилятором (совершенно незаметной для находящихся внутри заключенных).

Лаская свою любовницу, начальник тюрьмы лишь время от времени поглядывал на этот экран. Двумя пальцами подцепив ее кружевные трусики, он спустил их вниз. Мерседес высвободилась из них и, раздвинув смуглые ноги, уселась к нему на колени. Ховански чувствовал, как ее ловкие пальцы расстегивают ремень на его брюках, и одновременно видел на экране монитора, как один из заключенных медленно поднялся с постели и, прихватив подушку, подошел к своему сокамернику. Женщина коснулась рукой его члена, и горячая волна возбуждения прокатилась по телу Томаса. Он изо всей силы сжал руками смуглые бедра и услышал в ответ ее тихий смех с придыханием. Краем глаза Ховански все еще следил за происходящим на телеэкране, но страсть уже почти целиком захватила его. Рванув на Мерседес белую форменную рубашку так, что с треском полетели пуговицы, он закрыл глаза и принялся жадно целовать ее высокую грудь.

Женщина склонилась над ним, закрывая его лицо своими

густыми черными волосами, он почувствовал легкую боль в плече от укуса. Томас схватил Мерседес за волосы и запрокинул назад ее голову. Женщина застонала, почувствовав его внутри себя. Их любовные схватки всегда были похожи на борьбу, и ей это безумно нравилось. Он мял ее тело руками, терзал его, а она делала вид, что отбивается от его сильных рук, извиваясь в крепких объятиях, постанывая при этом от удовольствия. Возбуждение ее становилось все больше и больше, было почти невыносимым. Уже почти теряя сознание от наслаждения, она слышала, как полетело на пол что-то тяжелое, может быть, настольная лампа. Его дыхание становилось все более учащенным и прерывистым, а мышцы – все более твердыми...

Момент блаженства был потрясающим – как всегда, Мерседес забылась от наслаждения. Тихо застыла на плече у Томаса. До чего же хорош этот чертов поляк! Жаль, что она не может разделить с ним супружескую постель.

В этот момент Ховански резко повернулся и грубо произнес:

– Мать твою!

Мерседес вздрогнула и в изумлении уставилась на любовника, который, окаменев, смотрел куда-то за ее спиной.

– ...Твою мать! – повторил он и, почти оттолкнув ее, бросился к мониторам. – Что за черт?!

Тихо закипая гневом и обидой, Мерседес обернулась и увидела, как полуголый, со спущенными до колен штанами,

Томас Ховански подошел к одному из экранов и снова разразился бранью.

– Да что случилось? – спросила она, сдержав нарастающую обиду.

Женщина подошла к экрану и увидела, что один из заключенных лежал на полу, а второй, устроившись на нем сверху, прижимал к горлу своего противника посверкивавший в полумраке острый металлический предмет.

– Ублюдок, – прошипел начальник тюрьмы. – Ну он за это еще поплатится! – Обернувшись, Томас внимательно посмотрел на свою любовницу. – Иди-ка ты лучше домой, детка. Боюсь, сегодня мне не до любви. И как бы у тебя не возникло неприятностей.

Мерседес, с которой он раньше никогда так не разговаривал, боязливо сверкнула глазами, подхватила свои трусики и, даже не поправив на себе одежду, резко развернулась на каблуках и, разобиженная, вышла из кабинета, хлопнув при этом дверью так, что задрожали зарешеченные оконные стекла.

* * *

Джонни-Могильщик судорожно глотал воздух. Наконец, не разжимая зубов и морщась от боли, он прошипел:

– Я не знаю...

– Вот как? – спокойно удивился Варяг. Он сгрел шевелю-

ру Джонни в кулак и сильно ударил его затылком о стену, одновременно приставив заточку к кадыку. – В твоей глотке уже, считай, сидит дюйм стали. Если будешь гнать туфту, проткну тебя на хер!

– Послушай, русский...

– Английский язык понимаешь? Или тебе по-русски повторить, что такое длина хрена, ублюдок? Спрашиваю второй раз: кто тебе приказал меня грохнуть?

Джонни не однажды встречался с людьми такого типа. Они живут по своим собственным законам, одним взглядом способны парализовать чужую волю и если объявляют, что пырнут ножом, то непременно выполняют обещание.

– Я точно не знаю. Один парень...

– Кто такой? Откуда он? Имя?

– Из какой-то службы... Черт его знает, откуда. У Дяди Сэма до фи́га специальных служб. Может, из управления по наркотикам, может, из канцелярии прокурора штата...

– Придется с тобой, парень, поговорить по-серьезному. Ты меня или не понял, или совсем не уважаешь, – размеренно, по слогам, почти спокойно произнес Варяг.

В глазах Джонни сверкнули искры животного страха. От своего сокамерника он ожидал всего – панического крика, ярости, слов ненависти, истерики, испуга. Но русский вел себя так, словно был единовластным хозяином маленького тюремного мирка, в котором верзила Джонни совсем недавно чувствовал себя как рыба в воде.

– Погоди, русский... Я правда не знаю, кто этот парень. Он сказал, что его зовут Фрэнки.

– Как фамилия этого Фрэнки?

– Фрэнки, и все. Я не знаю, из какого он ведомства. Я уверен только в одном: ты здорово кому-то насолил.

Варяг нахмурился и, помедлив, убрал заточку. Джонни облегченно вздохнул.

– И что они тебе обещали за работу?

– Освобождение под залог.

– На хрена тебе под залог? У тебя что, богатая тетя есть?

– А он намекнул, что залог за меня внесут, а я могу рвать когти к себе в Ванкувер. Там им меня не достать.

– При разговоре еще кто-то присутствовал?

– Нет. Мы говорили наедине в кабинете начальника тюрьмы.

– А начальник тюрьмы сам в курсе?

– Вряд ли. Хотя...

– Я вижу, тебе хочется жить? – усмехнулся Варяг.

– А то!

– Ладно, живи. Даю тебе шанс. Только запомни, парень, кто тебе даровал жизнь. Уверен, у тебя хорошая память и ты не забудешь.

– Не забуду.

Уж больно напуганным было лицо канадца. Варяг скривил губы и, напирая на каждое слово, грозно произнес:

– Но я не слышу слова «мистер» и искренних сожалений

о случившемся, ублюдок.

Джонни выпучил глаза, но, увидев суровый взгляд русско-го, возражать не стал. Дрожащим голосом он повторил:

– Я все запомнил... мистер.

– Молодец. Вот так-то лучше, – кивнул Варяг. – А теперь скажи: простите меня, я больше не буду.

– Простите меня, мистер, я больше не буду.

– Если ты, дерьмо собачье, предпримешь еще нечто подобное, то в следующий раз тебе не придется просить прощения.

– Да, мистер.

– А теперь тихонько ложись и баиньки! – Варяг резко убрал заточку и опустился на свою кровать. – В следующий раз советую тебе обращаться ко мне не иначе как «мистер». Надеюсь, ты хорошо усвоил этот урок?.. Или, может, повторить?

В голосе русского снова послышался металл.

– Я все отлично понял, мистер, – поднимаясь с пола, повторил Джонни.

Русский продолжал сжимать в руках свое оружие. Джонни очень удивился, когда рассмотрел в темноте, что это был всего лишь обломок стальной ложки.

– Я все отлично понял, мистер, – сдавленным голосом еще раз повторил он.

– Ну вот и хорошо, я вижу, что ты не такой плохой парень, как показалось мне вначале.

Варяг со своей койки внимательно наблюдал за тем, как Джонни, поднявшись с пола, шатаясь, по стенке добрался до кровати, прилег и, вытянув свое огромное тело, молча замер.

Что ж, это был не самый серьезный противник, с которым судьба сталкивала Варяга. Возможно, из этого крепыша и мог бы получиться неплохой вор, но ему явно не хватает настоящей школы, школы российских тюрем. Вот где полноценное испытание! Жернова лагерных зон способны перемолоть в шлак даже самый крепкий человеческий материал, и только единицы способны заставить вращаться жернова так, как им угодно.

– Эй, мистер, послушайте! – вдруг из темноты донесся голос Джонни.

– Чего тебе?

– Вам не жить, мистер. Если мне не удалось сделать это, то наверняка получится у другого.

– Что ты вдруг так разоткровенничался?

– Мне-то плевать, но я точно знаю, что вы не выйдете отсюда живым. Мне кажется, вами заинтересовались слишком серьезные парни.

– Не переживай, Джонни, все образумится. Спи давай. Я хочу полежать в тишине.

Глава 6

Начальник тюрьмы

Егор Сергеевич прибыл в Сан-Франциско под самый вечер. Моросил дождь, который неприятно разбивался о лицо и тонкими холодными струйками забирался за воротник плаща. Точно такую же скверную погоду он оставил в Москве, и, если не знать о том, что лайнер перенес его на другой континент, можно было бы подумать, что он и не покидал родное Шереметьево.

Едва ступив на мокрый, скользкий трап, Егор Сергеевич почувствовал, как сырость мгновенно стала проникать по всему телу, добираясь до самого нутра. Он пожалел, что, собираясь в дальнюю дорогу, не захватил с собой свой любимый шерстяной джемпер.

Высокий, слегка сутулый, с густой седой шевелюрой, Нестеренко ничем особенным не отличался от остальных пассажиров, сошедших с «Боинга-747», принадлежащего российской авиакомпании «Трансаэро». Простой строгий костюм и мягкий лайковый плащ, обтягивающий плечи, делали его похожим на престарелого советского ученого времен 70—80-х годов. Впрочем, он и был кем-то вроде того...

Нестеренко сошел с трапа, осмотрелся и вместе со всеми пассажирами поспешил к автобусу, стараясь не наступать на лужи.

В Америке Нестеренко был дважды.

Первое его свидание с этой страной состоялось лет сорок назад: тогда он, еще сравнительно молодой человек, под видом ученого побывал на конгрессе по международному праву. А параллельно с этим выполнил целый ряд заданий, запланированных им вместе с Медведем. Уже тогда Медведь был крупным воровским авторитетом, а их дружба и сотрудничество приносили невероятные успехи и колоссальные теневые деньги.

Второй раз встреча с Америкой произошла лет десять назад, когда вдруг выяснилось, что в Бостоне проживают родственники Егора Сергеевича по материнской линии, родители которых, опасаясь своего дворянского происхождения, выехали из Санкт-Петербурга сразу после октябрьских событий семнадцатого года.

По приглашению Егор Сергеевич тогда приехал в Бостон и не без интереса разглядывал своего двоюродного брата, который огромными серыми глазами напоминал давно ушедшую матушку.

В первый свой приезд Егор Сергеевич не без труда справился с искушением, чтобы не поменять грешную родину на тихий уют благополучной заграницы. За время своего второго пребывания он успел полюбить эту страну и чувствовал, что был связан с ней неким мистическим образом. Ему даже казалось, что если у него существовала первая жизнь, то, по всей видимости, он провел ее где-то поблизости.

И вот сейчас он появился здесь в третий раз. Оставалось только гадать, чем закончится его вояж. Автобус с пассажирами, прибывшими из Москвы, пересек летное поле и остановился у здания аэропорта.

Пассажиры, проклиная стылую промозглую погоду, ступили на мокрый асфальт и направились в помещение таможенного досмотра. Вместе со всеми, высоко подняв воротник плаща, вышел Нестеренко.

В здании аэровокзала он купил ворох газет. Бегло просмотрев их, увидел, что журналисты по-прежнему продолжают в ярких красках расписывать бойню, происшедшую в Сан-Франциско две недели назад на берегу залива и в доме босса калифорнийской мафии. Складывалось впечатление, что газетчиков совсем не интересует ни грядущий циклон, ни политические перемены в странах Ближнего Востока, ни пошатнувшееся здоровье российского президента. Что встреча глав государств в одном из стариннейших городов Европы им так же безразлична, как прошлогодний снег. Единственно, что всех занимало, так это количество неопознанных трупов и причастность к кровавым событиям русского бизнесмена Игнатова.

«Ах, Владик, Владик! Не ко времени твое заключение. Сейчас в России ты нужен как никогда!» – с горечью подумал Нестеренко, направляясь к стоянке такси у выхода из аэропорта.

Таксисты, развалившись на мягких удобных сиденьях ав-

томобилей, терпеливо дожидались клиентов. Через мокрые стекла они с надеждой посматривали на каждого пассажира, вышедшего из сухого, светлого зала прилета.

Егор Сергеевич поднял руку, и тотчас к нему подрулил автомобиль, за рулем которого сидел крупный негр, с кожей цвета крепкого кофе.

Шофер мгновенно оценил пассажира и, повернув голову, учтиво спросил:

– Вам куда, мистер?

– Пожалуйста, в гостиницу «Холидей-инн», на Грант-авеню.

* * *

На следующий день после неудавшегося покушения на Игнатова Томас Ховански решил позвонить Галлахеру, хотя тот настрого запретил ему пользоваться телефонной связью. Но положение Ховански было безвыходным: он провалил дело. И теперь этот провал грозил ему, видимо, даже более серьезными последствиями, чем понижение в должности.

...Начальником тюрьмы его поставили всего-то год назад. До этого его карьера развивалась стремительными зигзагами, и, порой задумываясь о всех ее крутых поворотах, он даже не мог поверить в подвернувшуюся удачу. Оттрубив шесть лет в полицейском управлении Лос-Анджелеса,

он как-то случайно встретился со своим бывшим однокашником по юридическому колледжу Фрэнки Галлахером.

Во время беседы по душам Фрэнки рассказал ему, что стал специальным агентом ФБР, и, перед тем как попрощаться, как бы невзначай, сделал заманчивое предложение – стать заместителем начальника федеральной тюрьмы в Сан-Франциско. Намекнув, что его дальнейший рост зависит от их взаимопонимания и взаимодействия. Томас, недолго думая, согласился, и уже через год после того, как прежнего начальника тюрьмы отправили на пенсию, занял его кабинет. Фрэнки Галлахер выполнил свое обещание. А когда приехал поздравить приятеля с повышением, изложил ему суть их дальнейшего «взаимодействия».

С этого момента федеральная тюрьма стала негласно курироваться калифорнийским отделением ФБР. Жизнь в тюрьме потекла по тем правилам, которые ей диктовал Фрэнки Галлахер. По его тайным указаниям Томас Ховански распоряжался судьбами заключенных, подвергая их психологической обработке, незаметно ставя на них медицинские эксперименты, размещая их по камерам в необходимом для Галлахера порядке, назначая или отменяя свидания, даже встречи с адвокатом. Предлог для всего этого у Ховански всегда находился: он был профессионалом своего дела. Все эти действия больше напоминали работу шулера, тасующего крапленую колоду. Таким образом они умело стравливали заключенных и запросто избавлялись от тех, кто мешал

достижению поставленной ФБР цели.

Такое ведение дел не входило в противоречие с личными принципами Ховански. В своей железной логике поляк придерживался правила: «Если ты в тюрьме, значит, ты виновен, что бы там ни говорили эти умники-адвокаты». И часто Ховански был прав, ибо среди заключенных, сгинувших в тюрьме по воле ФБР, было немало убийц, садистов и маньяков, и их тихое исчезновение следовало воспринимать как акт возмездия. Да и сами зэки не жаловали подобного рода ублюдков, которые чаще всего составляли касту отверженных. И разумеется, об их преждевременной кончине мало кто сожалел, ссылаясь на то, что в соседних штатах им давно был бы уготован электрический стул.

О том, что федеральная тюрьма стала тайным карательным центром ФБР, не подозревал никто. Это было одно из главных условий, которые Фрэнки Галлахер поставил перед новым начальником тюрьмы, и Томас Ховански, верный слову, хранил тайну. Скоро Томас смекнул, что от его молчания зависит не только его дальнейшая карьера, но и собственная жизнь. А тайные казни на вверенной ему территории стали проводиться с пугающей регулярностью.

Глава 7

Специальный агент

Специальный агент ФБР Фрэнки Галлахер был вне себя от ярости. Он уже успел доложить по инстанции о безвременной кончине русского и теперь думал о том, с какой унылой физиономией ему придется выслушивать недовольные отзывы начальства.

Кроме того, задание оставалось невыполненным, и Фрэнки вовсе не хотел, чтобы это дело передали кому-нибудь другому, обвинив его самого в непрофессионализме. Он не любил делать что-либо второпях, предпочитая хорошенько подготовиться, но теперь времени не оставалось и Фрэнки вынужден был импровизировать на ходу.

Фрэнки решил встретиться с негласным «хозяином» тюрьмы – парнем по имени Стив, о котором ему много рассказывал Ховански. Только Стив мог помочь ему. Больше надеяться было не на кого. Смешно выглядит: специальный агент ФБР спасал свою карьеру, прибегая к помощи матерого уголовника-рецидивиста...

Приехав в тюрьму, Фрэнки сразу прошел в кабинет Ховански и попросил привести к нему Стива. Перед собой он положил пухлую папку с грифом «секретно», на которой было написано: «Дело FNN 580–906К „Стивен Ли“. Дверь распахнулась, и в сопровождении двух рослых охранников в

комнату вошел невысокий худощавый человек. Лицо у него было крупное, широкое, а раскосые глаза выдавали азиатское происхождение.

«Интересно, китаец или вьетнамец?» – невольно подумал Фрэнки, когда его взгляд остановился на широкой переносице Стива. Он отхлебнул из маленькой чашечки горячий кофе и распорядился:

– Оставьте нас, у меня есть к этому джентльмену небольшой разговор.

– Есть, сэр, – одновременно ответили оба надзирателя и вышли из комнаты.

– Кофе? – заботливо поинтересовался Фрэнки.

– Лучше бренди, – отозвался Стив.

– Можно и бренди. – Незнакомец улыбнулся, а потом похозяйски распахнул один из шкафов и извлек оттуда пузатую бутылку, затем он просунул руку в глубину шкафа и выудил из самого нутра за тоненькую ножку хрустальную тонкостенную рюмку. Она выглядела настолько изящной, что, казалось, могла рассыпаться на тонкие колючие осколки от малейшего прикосновения. – Я думаю, ты не станешь возражать, если эту рюмку я наполню до самых краев?

– Вы ведь не полицейский? – безразлично поинтересовался Стив, продолжая наблюдать за тем, как прозрачная коричневая жидкость быстро подбирается к самому краю.

Фрэнки закупорил бутылку тугой пробкой, а потом иронически возразил:

– Нет... Я из ФБР.

– Теперь понимаю, – и на пальцы Стива через тонкий хрустальный край пролилось несколько капель бренди. Он помедлил еще секунду, а потом опрокинул рюмку в рот. – И что же вы от меня хотите? Кажется, я не сделал ничего такого, чем вызвал бы интерес вашего ведомства.

– Неверно. – Фрэнки откинулся на спинку кресла, внимательно глядя на Стива. – Бюро всегда интересовали талантливые люди. А ты обладаешь недюжинными способностями. Вот один пример. Когда месяц назад шестеро заключенных, требуя дополнительный отпуск, объявили голодовку, никому в голову не пришло, что это необходимо именно тебе. В это время как раз пересматривалось твое дело об ограблении ювелирного магазина. Выявились новые факты – нашелся свидетель, который видел, как ты стрелял в кассира. И как только начальник тюрьмы отпустил во внеочередной отпуск этих... голодающих, свидетель бесследно исчез – в бетонной яме, надо полагать, – и дело, которое, казалось бы, продвинулось, вновь забуксовало.

Стив слегка улыбнулся. Его узкие глаза превратились в махонькие щелочки. Он стал напоминать кота, сощурившегося на яркое солнце.

– Однако, у нашего главного тюремщика отменная выпивка. Поляки всегда отличались хорошим вкусом, не правда ли, начальник? – процедил сквозь зубы Стив и, не спрашивая разрешения, взял бутылку с бренди и вторично наполнил

рюмку. – Так я слушаю вас, начальник, все, что вы говорите, весьма интересно.

Взгляд фэбээровца сделался недобрый, он снова заговорил, но уже более жестким тоном.

– Первый раз в поле зрения полиции ты попал лет шестнадцать назад. Тогда ты проходил как свидетель, а двое твоих приятелей угодили за решетку. Однако у нас есть основания полагать, что именно ты и был инициатором ограбления, именно ты убил двух полицейских, а потом сумел заставить подельников взять всю вину на себя. Твои друзья получили по двадцать лет... Попав в тюрьму и сполна насладившись тамошней атмосферой, они было захотели пересмотреть свои показания, но едва у них появилось такое желание, как их зарезали в тюремном двореке. Внешне убийство напоминало обычную потасовку между двумя футбольными командами, но у нас есть все основания полагать, что за этим стоит твое замечательное умение избавляться от свидетелей.

Стив продолжал улыбаться.

– У вас богатая фантазия, мистер, – лениво протянул он.

Фрэнки вдруг засмеялся:

– Просто я сообщил тебе, что бюро имеет некоторые представления о твоих «подвигах»... Ты прав, в этих делах ты оказался настоящим профессионалом – не подкупаешься. Мастерство – штука серьезная и нарабатывается годами. А вот в молодости, к сожалению, ошибки совершают все – даже такие талантливые, как ты. – Он сделал паузу, потом, на-

клонившись вперед, негромко сказал: – Привет тебе от Карлоса Ириарте.

Стив замер. Фрэнки не без удовольствия отметил, как нервно дернулся кадык на его шее.

* * *

С Карлосом Ириарте Стив сошелся еще в далекой юности, когда тот был всего лишь мальчишкой на посылках у одного из крупнейших лос-анджелесских наркодельцов – Теда Стивенсона. Карлос в то время приторговывал героином и среди ровесников слыл богачом, он даже ссуживал под изрядный процент белый порошок парням из рабочих кварталов. Их интересы пересеклись, когда один из посыльных Стивенсона умыкнул триста граммов героина и слинял в соседний штат. Патрон обещал пять кусков всякому, кто сумеет отыскать беглеца, а затем привести его самого или принести его голову. Подростки решили не затруднять себя обратной дорогой с опальным перекупщиком и, разыскав его в одном из грязных притонов Нью-Мексико, подкараулили на пути домой и отрезали в кустах голову, а затем в багажнике автомобиля привезли трофей Стивенсону.

После этого случая он повысил обоим жалованье и частенько брал с собой во время деловых поездок по штату.

Это было не последнее их общее дело. Стивенсон поручал им теперь встречать «груз» из Колумбии, а затем сопровождать

дать его до самого места назначения. Этой операцией, как правило, занимались самые доверенные люди босса.

Разногласия между приятелями произошли после того, как они узнали, что Стивенсона застрелил какой-то русский киллер. Заказчиком убийства был его компаньон, который решил, что слишком долго находится в тени всемогущего Стивенсона и что ему самому вполне по силам держать в своих руках наркобизнес Калифорнии. Однако даже ему не было известно, что полкило героина находится у его личных посыльных. Два приятеля решили разделить белый порошок поровну на городской свалке – самое безопасное место для такой операции. А когда Карлос взял свою долю и, насвистывая, пошел прочь, Стив не удержался от соблазна и выстрелил ему в спину. Рана была ужасной – пуля вышла на вылет, разметав ошметки живого мяса по сторонам. Кровь мгновенно залила всю рубашку. Когда Стив, продув ствол и спрятав его за пояс, подошел за трофеем, Карлос еще жил, но угасающий взгляд его был устремлен в никуда. Стив забрал у приятеля пакетики с героином и на прощание обронил:

– Прости, Карлос! Так вышло.

Кто бы мог подумать, что привет от мертвого Карлоса Ириарте ему передаст сотрудник ФБР.

– Карлосу повезло, – продолжал Фрэнки Галлахер. – После того как ты выстрелил ему в спину и отнял наркотики, он не отправился к праотцам. Он нашел в себе силы заткнуть дыру тряпкой и выползти на дорогу. Как раз в это время по

шоссе ехала карета «Скорой помощи» – врачи спасли твоему бывшему приятелю жизнь. Хочу тебе сказать, что Карлос стал совершенно другим человеком. Он изменился не только внутренне, но и внешне. Ты не узнаешь его, если даже столкнешься с ним нос к носу. Теперь это респектабельный человек, он закончил юридический колледж и сейчас работает адвокатом в крупной фирме, имеет весьма солидную клиентуру. Но не пытайся его разыскать: имя и фамилию он уже давно сменил. Хочу заметить, что дела по наркотикам не имеют срока давности, а если к этому добавить еще и покушение на убийство, – фэбээровец сочувственно покачал головой, – то из тюрьмы ты выберешься глубоким стариком, если выйдешь вообще. Сам ведь знаешь, в тюрьме всякое случается...

Стив, с отвращением поглядев на свою рюмку с так и не выпитым бренди, осторожно поставил ее на стол, потом медленно поднял тяжелый взгляд на Галлахера:

– Что вы от меня хотите?

– Самую малость. Мы согласны закрыть глаза на некоторые твои шалости, но ты должен помочь демократии Соединенных Штатов.

– Неужели демократия великой страны нуждается в заступничестве такого низкого человека, как я? – губы Стива скривились в ехидную усмешку.

Фрэнки Галлахер налил себе чашку ароматного кофе. Всем остальным напиткам он предпочитал именно кофе,

обожая его пьянящий запах и горьковатый вкус. Он где-то даже понимал наркоманов, которые испытывают зависимость от героина. Нечто подобное он чувствовал и по отношению к свежесваренному эспрессо, и если бы ему однажды сказали, что он выпил последнюю в своей жизни чашку, то всю оставшуюся жизнь он воспринимал бы это как наказание.

Сделав малюсенький глоток, он почувствовал, как горячий напиток скользнул по пищеводу, согревая желудок. Фрэнки никогда не пил остывший кофе, он предпочитал поглощать его чуть ли не раскаленным, чтобы сполна прочувствовать, как разбегается по жилам разогретая кровь.

Фрэнки выдержал паузу, неторопливо допил кофе и отвечал как можно спокойнее:

– Представь себе, что нуждается. Иначе я не стал бы терять время на пустые разговоры.

– Что же я должен сделать?

Стив взглянул на бутылку с бренди, но открывать ее не стал.

– Ну что же! Это уже другой разговор. Перейдем к делу. Ты или твои ребята должны устранить одного русского – Игнатова.

– Вот как! А потом ваши ребята упрячут меня еще лет на сто пятьдесят?

– Стив, ты не так меня понял, мы, наоборот, берем тебя под свою защиту.

– И это все?

– Чего же ты хочешь?

– Я хочу помилования. Полного. Чтоб дядя Сэм мне все простил. Иначе я ни за что не возьмусь.

– Ну что ж, хорошо. Нечто подобное я и ожидал, – кивнул головой Фрэнки. – Поэтому хочу тебя обрадовать: у меня в кейсе лежит бумага на твоё освобождение. Мне достаточно только поставить число, и ты можешь выйти хоть завтра.

– Мне бы хотелось увидеть бумагу.

– Ты не доверяешь ФБР, Стив, – это нехорошо.

Фрэнки взял со стола кейс, набрал цифровой код, щелкнул замком.

– Вот она, эта бумага. Ты даже можешь подержать её в руках. Посмотри вот там, внизу... видишь, подпись прокурора штата. Теперь взгляни на печати... Ну, убедился? – Фрэнки довольно улыбнулся. От его глаз не укрылось, что казенная бумага произвела на Стива сильное впечатление. – Ну что, теперь веришь?

– Теперь верю, – Стив неторопливо вернул бумагу. Он расставался с ней неохотно, как будто это был не лист обыкновенной бумаги, а собственная душа.

– Ну так что ты на все это скажешь?

– Хорошо, я вынужден принять ваше предложение.

– Вот и отлично. Ты оказался умным парнем, Стив. А значит, понимаешь, что устранение русского должно произойти как бы случайно – в обычной коридорной драке между за-

ключенными. И еще я очень надеюсь, что наш разговор не выйдет за пределы этих стен.

– Я все понимаю, будьте спокойны.

– Ты знаешь такого заключенного – Джонни-Могильщика?

– Канадец, здоровяк в триста фунтов весом?

– Он самый. Мне бы хотелось, чтобы он тоже... пострадал в этой ссоре.

Глава 8

Неожиданный звонок

После разговора со Стивом Фрэнки вернулся к себе в офис, сел за стол и задумался. В последнее время ему явно не везло: все проекты, которые он затевал, неизменно рушились, как будто невидимый недоброжелатель заранее просчитывал контрмеры. Пять лет назад ему с огромным трудом удалось внедрить своего человека в крупнейшую китайскую преступную группировку. Но с его помощью он успел провести всего лишь одну-единственную операцию по ликвидации канала доставки героина из Юго-Восточной Азии. А потом отрубленную голову агента полицейские обнаружили в мусорном контейнере в китайском квартале.

Два года назад он торжествовал победу, когда приняли именно его, Фрэнки Галлахера, план борьбы с японской «якудзой», но не прошло и месяца, как неожиданно его перевели в европейское управление и «бросили» на Россию.

Теперь он занимался малоперспективной и даже опасной операцией под кодовым названием «Тройка», целью которой являлась борьба с «русской мафией». Идиотизм состоял в том, что по замыслу высокого начальства тайной слежке и проверке подвергались все российские граждане, прибывающие в Америку – особенно по делам. Игнатов был одним из сотен его заочных «объектов». И, видимо, очень интересным

объектом – иначе из Вашингтона не пришла бы шифровка с коротким требованием избавиться от Игнатова. Непонятно только, кому это понадобилось. Но ведь приказы не обсуждаются.

Завершал переговорник. Фрэнки Галлахер нажал кнопку. Секретарша сообщила, что его спрашивает некий «мистер Нестеренко».

– Мэри, скажи, что у меня совещание. – Фамилия отчего-то показалась ему знакомой. – Постой!

– Да, мистер Галлахер.

– Кто это? Мы его знаем?

– Мистер Галлахер, он сослался на Вашингтон. На Майкла...

Фрэнки Галлахер сглотнул слюну. Майкл... Какого черта!

– Ладно, Мэри, соедини!

В трубке послышался властный старческий голос с сильным славянским акцентом.

– Мистер Галлахер? Моя фамилия Нестеренко. Мы не знакомы. Но мой добрый друг Майкл посоветовал к вам обратиться. Мы могли бы встретиться где-нибудь в городе? – И, предваряя все вопросы, старик продолжил: – Я тут нахожусь в составе российской официальной делегации. По линии Министерства юстиции. Но к вам у меня дело неофициальное. И неотложное.

Фрэнки ничего не мог понять. Он не привык назначать

встречи с незнакомыми людьми. Но в голосе русского была какая-то непонятная сила и непререкаемая авторитетность. Фрэнки помедлил и помимо своей воли ответил:

– Хорошо. В час у меня обед. Мы можем встретиться в час пятнадцать. Где вы находитесь?

– Не утруждайте себя, мистер Галлахер. Вы занятой человек. Я приеду туда, куда вы скажете, – как бы с усмешкой сказал русский.

Фрэнки назвал улицу и, услышав в ответ от мистера Нестеренко заверения в том, что он найдет указанный адрес, досадуя на проявленную слабость, положил трубку.

Глава 9

Тебе конец, русский!

В тюрьме был праздник по случаю Рождества.

Было объявлено, что, кроме традиционных фигурных пряников, администрация тюрьмы решила побаловать узников дополнительными угощениями. Заключение, отвыкшие от гастрономического разнообразия, только и говорили об острых томатных приправах и мясе, прожаренном на углях. И Варяг с улыбкой думал о том, что такой жратвы, какой ему удалось отведать в заморской тюрьме, большинство русских зэков не пробовали даже на воле, а в зоне все чаяния коренных обитателей сводились к тому, как раздобыть лишнюю щепотку чая.

Тюрьма, в которой находился Варяг, представляла собой внушительное четырнадцатэтажное здание, где три первых этажа были спрятаны от любопытных глаз высоким бетонным забором. Архитектурными формами и отделкой здание тюрьмы больше смахивало на мэрию или солидное банковское учреждение. Однако это был исправительный центр, только вместо привычных решеток – пуленепробиваемые стекла, вместо колючей проволоки – высокая ограда. Столовая размещалась на седьмом этаже и занимала огромную площадь, которая могла вместить одновременно несколько десятков человек. Однако чаще всего помещение оставалось

полупустым. Это было связано с общей безопасностью, чтобы во время столпотворения не могли возникнуть потасовки и драки. Заключение обеды по блокам. Через каждые полчаса в сопровождении надзирателей являлась следующая партия. Охранники ходили между столами и пристально наблюдали за своими подопечными. В случае необходимости надзиратели всегда готовы были применить тяжелые резиновые дубинки, с которыми не расставались даже в сортире и которые в условиях тюрьмы представляли собой грозное оружие для наказания. Если удар приходился по предплечью, то отнималась рука, если били по голове, заключенный мгновенно терял сознание. Нарываться на охранника с резиновой дубинкой остерегались даже самые матерые обитатели тюрьмы.

В этот день по каким-то непонятным причинам обычный график был поломан, столовая переполнена, и заключенные жались в узких дверях, дожидаясь своей очереди. Надзиратели нервно прохаживались по коридору и сквозь зубы ругали начальника тюрьмы, который обожал всевозможные эксперименты, а сейчас распорядился втиснуть в столовую заключенных сразу из трех блоков. Несколько раз надзиратели грозили дубинками чрезмерно развеселившимся, но было совершенно очевидно, что если ропот перерастет в бунт, то усмирить его удастся только особыми мерами с применением дополнительных сил.

У самых дверей стоял Джонни-Могильщик. Длинноволо-

сый гигант невольно притягивал к себе взгляды. На фоне других эков он выглядел Атлантом, шагнувшим из морской пучины на берег и по странному недоразумению оказавшимся среди людей. Джонни с интересом заглядывал в столовую. Он с благоговением втягивал в себя чудесный запах свежих пряников – весь вид его говорил о том, что даже на вершине Олимпа невозможно ощутить подобный аромат. Варяг стоял немного в стороне и, посмеиваясь, наблюдал за своим бывшим сокамерником. Конечно же, он не забыл, что этот здоровяк пытался его убить, но тем не менее испытывал необъяснимую симпатию к Джонни, сейчас напоминавшему большого ребенка.

Из столовой вышел надзиратель, оттеснил концом дубинки нависшего над порогом Джонни и крикнул заключенным, выходящим из столовой:

– Быстрее, ребята! Пошевеливайтесь!

Эки неторопливо и тяжело, как будто отведали не светлого рождественского блюда, а проглотили многопудовые камни, перешагивали через порог. Обед, как и обещал начальник тюрьмы, был в самом деле очень сытный, и единственным желанием заключенных было добраться до своей камеры и задрать живот кверху. Последними выходили три вертких мулата. В тюрьму эта троица попала за разбой в латинских кварталах – они составляли ближайшее окружение Стива, и многие поговаривали о том, что ребята служат ему не только кулаками...

В тюрьме их побаивались. Каждый из них имел по большому сроку, и такое дело, как драка, воспринималось ими почти что молодецкой забавой, в которой можно размять застывшие мышцы и показать всему тюремному сообществу лихую удаль.

Внезапно один из них слегка подтолкнул Джонни, а тот вдруг качнулся, словно от сильного удара, и неловко ухватился рукой за дверь.

Мулаты неторопливо проследовали дальше, о чем-то оживленно переговариваясь. Из обрывков фраз слышалось, что они вспоминают оставшихся на воле подруг и очень жалеют о том, что большую часть времени проводят не с ними, а на тюремной баскетбольной площадке.

Джонни повернулся к Варягу, сделал один неловкий шаг, потом другой, еще короче и неувереннее. Несмотря на свой огромный рост, в эту минуту он напоминал младенца, едва научившегося ходить. Варяг увидел, что одной рукой канадец зажимает живот, а через пальцы, пачкая праздничную белую рубашку, уже сочатся крупные рубиновые струйки. Еще секунда – и гигантское тело канадца рухнуло на каменный пол.

Варяг понял все. Ему следовало сразу поверить Джонни, когда тот сказал, что здесь замешаны серьезные парни. И он должен был догадаться, что Джонни обречен, как только его перевели в другую камеру, – методы работы местных властей и МВД во многом схожи. Очень может быть, что они

даже подслушивали их беседы и, конечно, не могли простить Джонни его словоохотливости.

Варяг увидел, что трое мулатов направляются теперь к нему. Ага, они слегка заденут его по касательной, но это, чуть заметного прикосновения будет вполне достаточно, чтобы он, подобно выброшенной на берег рыбе, беспомощно начал хватать губами воздух.

Чувства Варяга мгновенно обострились. С кухни в ноздри ударил потрясающий запах свежееиспеченного хлеба. Этот запах, нахально забираясь в ноздри, мешал сосредоточиться. Заключение, уже заметившие беспомощность Джонни, с любопытством и страхом наблюдали за истекающим кровью гигантом, корчившимся на полу в предсмертных судорогах. Вокруг воцарилась поразительная тишина, которая была куда красноречивее тюремной сирены.

Прогуливавшийся по длинному коридору надзиратель задумался о своем, не замечая происходившего. С сегодняшнего дня ему полагалась первая надбавка за выслугу лет, и он с удовольствием размышлял о том, что за год сможет наконец-то отложить кругленькую сумму и купить себе новую машину.

Беспечно размахивая руками, троица приближалась к Варягу. Равнодушие было напускным. Владислав сразу же отметил, что у двоих из них кулаки были сжаты и спрятаны в рукава.

– Русский! – окликнул Варяга кто-то вблизи.

Варяг невольно обернулся на громкий голос. В это мгновение один из трех мулатов в два прыжка подскочил к нему и выбросил вперед руку с ножом. Владиславу потребовалось невероятное усилие, чтобы перехватить руку убийцы. Мозг сработал словно объектив фотоаппарата, зафиксировав в памяти злобный оскал нападающего со сломанным почерневшим зубом. Варягу удалось остановить удар. Правой рукой он поймал мулата за широкий рукав и с силой дернул того на себя, одновременно левым локтем коротко встретив его ударом прямо в сомкнутые челюсти и вложив в этот удар всю накопившуюся злость. Челюсть громко хрустнула, и мулат, обмякнув, повалился на пол.

В это время к Варягу слева подскочил второй из нападающих и попытался длинной граненой заточкой проткнуть ему бок, но законный вор в последнюю секунду успел отскочить в сторону, и острое жало лишь распороло рубашку, чуть зацепив кожу. Варяг успел поймать своего обидчика за запястье и с силой ударил коленом в локтевой сустав. Затрещала лучевая кость, и тюремный коридор огласился истошным воплем.

Третьего Варяг встретил страшным ударом между ног, от которого тот просто потерял сознание. Драка продолжалась буквально несколько секунд.

Крик мулата вывел надзирателя из приятных грез. И он, размахивая дубинкой, бросился к столпившимся зекам. Охранник увидел лишь последствия: трех мулатов, валяю-

щихся на полу, да скорчившегося от боли, умирающего ка-
надца.

– Встать к стене! – заорал надзиратель, еще не понимая толком, что случилось. – Всем к стене! – срывая голос, орал он вновь.

Другие охранники уже спешили к нему на помощь со всех концов пищеблока. На ходу они расстегивали кобуру и, хватывая оружие, истошно кричали:

– К стене лицом! Недоноски! Ноги на ширине плеч!

Варяг уткнулся лицом в стену. За спиной раздался грохот выстрелов. Охрана стреляла в потолок. Свинцовые капли, раскрошив штукатурку, осыпали белой пылью тюремные робы. Грохот выстрелов эхом отзывался во всех закоулках тюрьмы.

– Ноги на метр от стены! – кричали полицейские и без разбору охаживали всех заключенных резиновыми дубинками.

– Всем к стене! Ублюдки!

– Ноги на ширине плеч! Кому сказано, сволочи!

У самой щеки Варяг увидел ствол «магнума» и понял, что достаточно лишь повернуть голову, чтобы получить порцию свинца в затылок. Упершись руками в стену, замер в покорном ожидании.

– Что с этим? – кивнул на Джонни-Могильщика подбежавший охранник.

– Мертв. Пырнули ножом.

– Кто это его?

– Не знаю точно. Кажется, вот эти, смуглые...

– Ладно, потом разберемся. Срочно свяжитесь с начальником тюрьмы и вызывайте «Скорую помощь».

Через несколько минут из дальнего конца тюрьмы, гремя наручниками, прибежали еще несколько охранников. За ними торопливо шагал Томас Ховански. Подойдя к толпе заключенных, он быстрым взглядом оценил ситуацию, на мгновение задержав взгляд на безжизненном теле Джонни Кидса, на корчащихся от боли трех мулатах, мельком скользнул глазами по Игнатову. Охрана, освобождая пространство для начальника тюрьмы, усердствовала, распихивая заключенных. Вся эта история не сулила ничего хорошего не только экам, но и всему обслуживающему персоналу.

– Что здесь произошло? – сухо спросил Ховански.

Один из охранников, видимо, старший по званию, вытянувшись перед начальником, срывающимся голосом стал докладывать, указывая на мулатов:

– Кто-то из этих троих зарезал заключенного, господин полковник. К сожалению, никто не видел, как это произошло. лейтенант Таккер все время находился рядом и отвлекся буквально на секунду... – полицейский замялся, но, найдясь, браво продолжил свой доклад: – Отвлекся, чтобы дать распоряжение, а когда повернулся... заключенный Кидс был уже ранен и лежал на полу. Мы ничем не успели ему помочь. – Полицейский с сожалением посмотрел на бездыхан-

ного Джонни Кидса, тело которого по-прежнему лежало на полу, перегородив весь коридор, рот был широко открыт, а остекленевшие глаза смотрели в потолок, а может быть, в вечность.

– А этот что? – так же сдержанно и сурово поинтересовался Томас Ховански, вскинув глаза на заключенного Игнатову, которому уже нацепили на запястья наручники.

– Мулаты сами все затеяли, – продолжал начальник охраны, – но русский оказался проворнее. Одному свернул челюсть, другому сломал руку, а третий наверняка теперь останется без яиц.

– Этих двоих отвести в госпиталь... иначе и они сдохнут до суда. А русского и этого третьего рассадить по одиночным камерам. Труп в морг! На медэкспертизу.

Два надзирателя принесли носилки, на которых лежал широкий зеленый мешок. Брезгливо, стараясь не запачкаться кровью, положили покойника на прорезиненную поверхность и упаковали его с головой, затянув «молнию» на самом затылке.

Подталкиваемый надзирателем, Варяг двинулся по коридору. Вдруг, что-то почувствовав, он резко обернулся и сразу наткнулся глазами на острый как бритва взгляд невысокого худощавого азиата Стива, который тут же отвернулся, сделав вид, что вовсе не интересуется русским.

Глава 10

Я тебя удавлю!

День был безнадежно испорчен. Каким-то образом журналисты сумели пронюхать об убийстве в исправительном центре, и вечерние газеты запестрели заголовками: «Очередное побоище в здании тюрьмы», «Куда смотрит суд?!», «Есть ли в тюрьме демократия?».

По ночному каналу был дан сюжет у здания исправительной тюрьмы, в котором бойкий репортер рассказывал о подробностях драки. Описание было настолько точным, как будто бы он вместе с Томасом следил за всем происходящим на мониторе. Увеличенным планом оператор показал этаж, на котором размещалась столовая, и в заключение добавил:

– До каких же пор будет продолжаться насилие в исправительном центре? А может, тюремная администрация решила взять на себя и роль судей?

Томас Ховански в раздражении выключил телевизор. Состоявшийся репортаж был могильной плитой на его дальнейшей карьере. Все его честолюбивые помыслы в одночасье сумел разрушить безусый юнец, который едва выпрыгнул из стен колледжа. Как объяснить теперь изысканной аудитории, что он заведует не пансионом для престарелых, а исправительным центром, а в тюрьме случается, что заключенные не только бьют друг другу рожи, но еще и убивают.

Ховански надеялся, что когда-нибудь его старания будут замечены и по достоинству отмечены и он сумеет сделать карьеру, а то и перебраться в Вашингтон и заняться политикой, но после этого репортажа стало ясно, что его исправительный центр автоматически попадает в число худших. А на всевозможных совещаниях более удачливые коллеги будут тыкать ему в спину пальцами. Отныне его участь – киснуть в четырех стенах до самой пенсии.

От нахлынувших размышлений сделалось невыносимо, и Ховански позвонил Фрэнки:

– Слушаю, – безрадостно отозвался Галлахер на противоположном конце провода.

– Это Том. У меня все валится из рук. Если бы не твоя дурацкая идея, то меня не мучила бы бессонница.

– Что ты так волнуешься? – невозмутимо спросил Фрэнки. – Тебя не должно волновать то, что произошло.

– А когда мне, по-твоему, стоит волноваться? Когда Дядюшка Сэм выгонит меня пинком под зад с работы?! Может, ты этого хочешь? Я проработал в учреждении пятнадцать лет и не имел ни одного взыскания, а сейчас меня могут просто вышвырнуть безо всякого содержания.

– Ты преувеличиваешь.

– И потом, мне не по душе вся эта вонь вокруг моего учреждения. Если газетчики начнут копать дальше, то нам не поздоровится обоим. Учти это! И как они обо всем узнали?! Моя тюрьма – это не место отдыха, а закрытое учреждение.

Я начинаю думать о том, что моя тюрьма скоро превратится в один из филиалов вечерней газеты. Кто-то из моих сотрудников снабжает журналистов информацией.

– Том, тебя не должна беспокоить вся эта шумиха, ты им не по зубам. И потом... я сам обо всем рассказал газетчикам.

От приступа ярости у Тома перехватило горло:

– Да ты с ума сошел! Зачем тебе все это было нужно?! Я тебя удавлю!

Фрэнки хмыкнул в трубку, и Том даже представил, как ядовитая улыбочка разодрала его тонкие губы.

– Можешь не переживать, все идет так, как нужно.

– О чем ты говоришь, дьявол тебя побери! Эти журналисты способны копать не хуже ищеек! Они могут вытянуть даже то, о чем мы просто и не подозреваем! Хочу тебя предупредить: я не из тех, кто берет все на себя! Я выдам и тебя, и все твоё вонючее ФБР! Я даже не стану торговаться, а сдам вас с потрохами, будете знать, как соваться туда, куда не следует. И чихал я на все твои обещания относительно моей предстоящей карьеры. Я сыт по горло твоей дружбой.

– Ты выговорился? А теперь выслушай меня, – в голосе Фрэнки сквозило трудноскрываемое раздражение. – Не будь глупцом, если не хочешь, чтобы тебя в вечерних сумерках переехал грузовик. У меня для тебя имеется приятный сюрприз.

– Что еще за сюрприз?! – орал в трубку Ховански. – Хватит с меня всех этих неожиданностей. От них у меня вылезут

волосы раньше положенного срока.

– Сейчас от твоего крика расколется трубка. Подожди до завтра, а там можешь делать все, что хочешь, – и, не попрощавшись, бросил трубку.

Том Ховански вновь развернул газету. На той странице, где крупным планом был дан фотоснимок тюрьмы, белой стрелкой были указаны окна его кабинета, а ниже крупными буквами было приписано: «Отсюда начальник исправительного центра наблюдает за порядком».

Том в ярости отшвырнул газету и с тоской подумал о том, что завтрашний день будет значительно труднее, чем сегодняшний. Видно, сам черт надоумил его связаться с этим полоумным. Эх, попадись один из этих журналистов к нему в исправительный центр, так он сумел бы превратить его жизнь в ад!

Глава 11

Привет из прошлого

Фрэнки Галлахер сразу понял, что этот высокий, чуть сутуловатый старик в недорогом плаще и есть тот, кто звонил ему полтора часа назад. Старик увидел его первым и сразу подошел, точно они были давно знакомы. Без всяких приветствий он спокойно сказал:

– А знаете, я хочу передать вам привет от вашей русской приятельницы... Валентины. Помните такую? Вы тогда, кажется, служили в посольской охране.

Даже удар электрическим током не смог бы подействовать на опытного Фрэнки более устрашающе, чем имя этой русской подруги. Теперь он не сомневался в том, что встреча со стариком была очень тонкой комбинацией российских разведслужб.

...История с Валентиной случилась двадцать лет назад, когда Фрэнки в звании младшего офицера проходил службу в морской пехоте. Тогда он был молод, честолюбив, очень уверен в себе и считал, что женщины существуют исключительно для того, чтобы завоевывать их. Сам Фрэнки Галлахер числился женихом в доброй дюжине весьма приличных семей, а во время коротких отпусков не пропускал ни одного публичного дома в иностранных портах, где его тоже прини-

мали за своего парня.

Совсем неожиданно он был откомандирован в Москву охранять американское посольство и заодно выполнять обязанности агента разведки. Неожиданный перевод Фрэнки воспринял как очередную улыбку фортуны и с рвением продолжал службу уже в новом качестве. Приятно было то, что свободного времени у него было теперь побольше, и он использовал его не для того, чтобы насладиться красотой памятников русской архитектуры, а чтобы увеличить число любовных побед, но теперь уже над московскими красавицами.

И все-таки Фрэнки влюбился.

Он никогда не думал, что страсть может быть такой пожирающей. Увидев Валентину – русскую машинистку из отдела информации, – он понял, что пропал.

Валентина была выпускницей филологического факультета Московского университета, бегло говорила по-английски, была потрясающей в постели и к тому же оказалась неплохим учителем по русскому языку, так что через полгода общения с ней Фрэнки сносно разговаривал по-русски. Возможно, именно это обстоятельство, то есть безупречное знание русского, сыграло в его судьбе определяющую роль, когда его решили перевести в Европейское управление ФБР. Так что, можно сказать, благодаря именно Валентине он делал карьеру эксперта по «русской мафии».

Но он совсем не мог предположить, что через двадцать лет

получит «привет» от Валентины в столь неожиданных обстоятельствах от какого-то незнакомого благообразного старика.

Фрэнки, натужно улыбнувшись, ответил:

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Напрасно, – твердо отвечал старик. – Вот взгляните на эти фотографии, – и он сунул оторопевшему Фрэнки увесистый пакет.

Помедлив, Фрэнки вытащил одну фотографию, затем другую. Боже мой! Оказывается, русская контрразведка следила за каждым его шагом, даже в квартире на... как его... Кутузовском, где он проводил сладкие минуты в обществе Валентины.

– Вы знаете, кто я? – спросил Фрэнки, нехотя отдавая пакет старику.

– Что за вопрос? Разумеется, – старик осторожно взял пакет из рук Фрэнки, – иначе наш разговор с вами был бы беспредметен.

– А вы не боитесь, что я могу вас...

– Мистер Галлахер, я перестал бояться уже лет двадцать, как только мне перевалило за шестьдесят, – мягко улыбнулся старик. – Я хорошо и долго пожил на этом свете. И потом, если вы арестуете меня, то это может очень сильно повредить вашей карьере. Хочу вас заверить, что это сугубо частный разговор, который останется между нами. Вам вообще не стоит ничего опасаться, я не работаю ни на какую развед-

ку.

– Кто же вы тогда?

– В Америку я прибыл по одному делу, в котором вы мне могли бы оказать неоценимую помощь.

– Чего вы от меня хотите?

– Давайте отойдем немного в сторону, вот к той скамеечке. Я старый человек, и мне хотелось бы присесть... Ох, как замечательно, ох, славно. Находился, понимаете ли, за день, устал, – усаживаясь на скамейку, старик вытянул длинные ноги. – Скажу вам, мистер Галлахер, нужно прожить долгую жизнь, чтобы вот так наслаждаться покоем.

– Итак... что вы от меня хотите, мистер Нес...

– Меня зовут Егор Сергеевич, – беззаботно и совсем не желая замечать раздраженного тона Фрэнки подсказал собеседнику русский гость. – Три дня назад я купил в Москве ботинки, и, представляете, какая неудача? Они оказались тесноватыми! Вы не будете возражать, если я развяжу шнурки? Нет, в моем возрасте не стоит гоняться за модой, а нужно, чтобы одежда и обувь были в первую очередь максимально удобными... А ведь я с вами знаком давно... заочно. Я знаю, что когда вы закончили юридический колледж, вам пророчили блестящее будущее. Очень обидно, что начальство всегда не замечает лучших, а опирается исключительно на выскочек. Вы сумели перекрыть канал, по которому китайцы доставляли наркотики в Калифорнию. А потом вы доказали, что умеете видеть перспективу и обладаете аналитическим

складом ума. Вы составили интересный доклад, где предсказали, что в китайской мафии начнется борьба за власть, что значительно усилится роль японской мафии и она начнет перехватывать инициативу у итальянской мафии по экспорту оружия. Полностью оправдалось и ваше опасение, что на первые роли в Америке выйдет российская организованная преступность. И что она сумеет потеснить даже сицилийских донов. В вашем докладе очень точно было замечено, что русская мафия начнет с того, что будет доставлять из России девушек в стриптиз-бары, а потом переориентируется на наркотики, энергоресурсы и экспорт оружия. Чтобы все это предвидеть и учесть множество тонких моментов, нужно действительно иметь очень светлую голову...

Фрэнки сел рядом – разговор предстоял серьезный. Старик словно читал его личное дело, хранящееся в Вашингтоне, в сейфе отдела кадров ФБР под грифом «строго секретно».

– Откуда вам все это известно? – шепотом спросил Фрэнки Галлахер.

– Давайте договоримся, мой друг, не задавать вопросов, на которые нет ответа. Скажу вам только: у меня много преданных друзей. Вот, например, Майкл... – Старик сделал паузу, наблюдая за тем, какое действие возымела на собеседника последняя информация – Фрэнки сглотнул подступивший спазм. – Итак, что мне нужно от вас? Совсем немного. Я думаю, вы знаете русского бизнесмена Владислава Игна-

това?

– Ах вот вы о чем? Разумеется!

– Так вот. Я бы посоветовал вам беречь здоровье и жизнь мистера Игнатова как зеницу ока. Я надеюсь, у него в тюрьме нет неприятелей? Камера со всеми удобствами? Кормят хорошо? Обслуживание на уровне?

Сначала Фрэнки Галлахер подумал, что старик насмехается над ним, но, внимательно всмотревшись, увидел в его глубоко запавших холодных глазах скрытую угрозу. Ему стало не по себе. Если не сказать, что умудренного опытом Фрэнки Галлахера охватил животный страх.

– Вы хотите добиться его освобождения под залог? – спросил он дрогнувшим голосом.

Старик усмехнулся.

– Я хочу добиться его выхода из тюрьмы за отсутствием состава преступления. Вам знаком такой юридический термин? Мистер Игнатов ведь ни в чем не виноват. Правда?!

Фрэнки Галлахер пожал плечами.

– Но это же невозможно. Во всяком случае, лично я не имею полномочий отдать такое распоряжение.

Старик недовольно поднял руку.

– Вам придется потрудиться. А сейчас от вас требуется лишь одно – обеспечить мистеру Игнатову личную безопасность и нормальные условия пребывания в тюрьме на те несколько десятков часов, которые ему осталось там провести. Вам это по силам, я знаю. А в знак моего доверия к вам

я, пожалуй, отдам вам этот пакет. Чтобы вы могли вспомнить романтические приключения двадцатилетней давности!

У Фрэнки Галлахера нестерпимо заломило в висках. Кровь прилила к лицу.

– Мне бы потом хотелось получить негативы этих пленок.

– Обязательно. Вы их получите после освобождения Владислава Игнатова.

– Каким образом я могу освободить его? Может, вы мне подскажете? – с иронией сказал Фрэнки.

Фрэнки невольно улыбнулся, вспомнив о том, как в заснеженной Москве трое коротко стриженных парней, угрожая ножом, сняли с него куртку. Если бы нечто подобное случилось с ним в Сан-Франциско, так он по тревоге поднял бы половину города, а в русской столице столь маленькое происшествие вызвало у блюстителей закона легкое сочувствие и пожелание не бродить в одиночестве по ночным улицам.

Пожалуй, старик будет покрепче тех русских молодцов.

– С удовольствием... Вы должны прессе дать полную информацию о происшествии. И как только они поднимут шум, вы должны будете убедить свое начальство как можно быстрее избавиться от этого русского. Такой поступок во всех отношениях будет хорошим. Вы докажете всему обществу, что не намерены терпеть бесчинства иностранцев, и пусть они отправляются туда, откуда прибыли. И, во-вторых, своими действиями очень поможете нам. Уверяю вас, в глазах всех вы будете выглядеть героем!

– Но таким образом я подставлю начальника тюрьмы. А если поднимется шум в прессе, то он не пожелает расхлебывать всю эту кашу в одиночестве и потянет за собой и меня.

– Что я могу вам здесь посоветовать... Если он бабник, то предложите ему красивую женщину. Если ему нужны деньги... этот вопрос тоже решаем. Если у вас имеется на него какой-то компрометирующий материал, то сейчас самое время, чтобы ткнуть ему в нос эти факты. Для меня сейчас самое главное, чтобы мой человек в ближайшее время выехал в Россию.

– Можно мне вам задать еще несколько вопросов?

Старик кивнул:

– Я вас слушаю.

– Валентина работала в КГБ? Все-таки вы тоже оттуда?

Нестеренко внимательно посмотрел на американца. Он, конечно, мог бы ему рассказать, что в России существуют организации не менее мощные, но гораздо более законспирированные, чем КГБ, ФСБ и так далее.

Нестеренко мог бы также рассказать Фрэнки, что кроме него у Валентины в тот год было еще четыре клиента, перед которыми она так же лихо оголяла сиськи: начальник владимирской тюрьмы, два генерала из управления МВД и пожилой полковник из госбезопасности. Молоденький американский лейтенант был для нее всего лишь одним из многих. Однако Валентина обладала удивительным даром, который свойственен только очень тонким и чувствительным

натурам: оставаясь с мужчиной наедине, она была способна внушить ему, что он ее единственный избранник. Возможно, в эти минуты она и сама верила в созданный ею миф.

«Да, – подумал Егор Сергеевич, – в Валентине скрывалась актриса потрясающего дарования...»

– Она не работала на КГБ, – спокойным голосом произнес Нестеренко. – И я тем более не оттуда.

Он увидел, что этот короткий ответ вполне устроил мистера Галлахера. Лицо американца просветлело, озарившись надеждой и решимостью сделать все, о чем его попросил этот опасный старец.

Глава 12

Медвежья охота

Фрэнки Галлахер попал в переплет. Старик русский взял его за горло – отказать ему было невозможно. Потому что если бы даже сейчас, через двадцать лет, в Вашингтоне узнали о его московских похождениях, ему – конец! Мало того, что он вылетел бы из ФБР, так его могли еще начать «разматывать» по линии Министерства обороны и ЦРУ и копать, копать – выведывая, не сболтнул ли он тогда лишнего, не взяли ли его под свое крыло оборотистые кагэбэшники и не была ли его мимолетная связь с русской красоткой тонкой операцией вербовки.

Но и вытащить Игнатова из петли сейчас тоже было совершенно невозможно: приказ на уничтожение был отдан давно, еще неделю назад, маховик, как обычно, раскрутился, и остановить его теперь уже не мог никто. Даже адвокат Игнатова успел все просечь и куда-то смылся.

Во всяком случае, то, что он, Фрэнки Галлахер, не сможет остановить машину уничтожения, так это уж точно. За последнюю неделю делом Игнатова занялся окружной прокурор Джуди Хант – дотошный, въедливый, педантичный человек, да к тому же и упрямый борец с «русской мафией». Он готов был годы потратить на то, чтобы нарыть на Владислава Игнатова обвинительный материал и засадить русско-

го лет на восемьдесят. Вот только умник Хант не ведал, что Игнатову не суждено было дожить даже до предварительного слушания в окружном суде.

Что же это за фрукт такой, мистер Игнатов?

Фрэнки знал, что русского арестовали чуть ли не на месте преступления: был убит босс калифорнийской мафии дон Монтеessori. Игнатова также взяли по подозрению в убийстве старого итальянца Барбарелли. Русского посадили в блок предварительного заключения без права выхода под залог. Об этом рассказал и Ховански, который регулярно докладывал ему о всех вновь поступивших заключенных, не подозревая, что очень часто они направлялись к нему в тюрьму с ведома Фрэнки. Потом к делу Игнатова подключили окружного прокурора Джуди Ханта. И это означало только одно: Дядя Сэм намеревался устроить показательный суд и упрятать русского за решетку до седых волос.

Джуди Хант был знаменит тем, что почти все его обвинительные заключения – а за многие годы практики у него их набралось больше трех сотен – были поддержаны в судах, обвиняемые получали по полной программе. И вдруг из штаб-квартиры ФБР пришла шифровка, состоящая только из двух слов: «Медвежья охота». Это был смертный приговор Игнатову (русские клиенты в секретном шифре ФБР проходили как «медведи»). Непонятно только, кому понадобилось убрать русского прямо в тюрьме? Ведь участие в деле прокурора Джуди Ханта служило гарантией того, что Игна-

тову дадут не меньше полусотни лет. Выходит, в Вашингтоне разыгрывалась какая-то очень сложная многоходовая партия и ставкой в ней была жизнь таинственного русского бизнесмена. Во всяком случае, ясно одно: его приятель Майкл играл явно не на стороне тех, кто хотел убить Игнатова.

Итак, что же теперь делать? Надо каким-то образом дать отбой Стиву и отменить казнь русского. Фрэнки уже потянулся было к телефону, как раздалась трель переговорника. Он нажал клавишу:

– Да, Мэри?

– Вас спрашивает Майкл из Вашингтона. Будете говорить?

О боже! Она еще спрашивает! Конечно буду! Только этого разговора и жду. Взяв себя в руки, Фрэнки наигранно спокойно ответил секретарше:

– Соедините.

Это было спасение. Майкл должен помочь! Фрэнки схватил телефонную трубку.

– Хелло, Майкл! Как погода в Вашингтоне?

– Здравствуй, Фрэнки! – голос Майкла был строг. – Скажи мне лучше: как там обстоят дела с твоим подопечным? С ним все в порядке?

Фрэнки не понял вопроса. Теперь он уже вообще ничего не понимал. О чем спрашивает Майкл? «В порядке» – в смысле, жив или убит? Но отвечать надо было одновременно четко и туманно, так как Фрэнки не знал наверняка, не

прослушивается ли его линия.

– Насколько я знаю, он пока в добром здравии, – ответил Фрэнки и порадовался за свою сообразительность. – Майкл, ты можешь перезвонить мне по известному тебе телефону минут через десять? Это срочно.

– Хорошо! – коротко бросил Майкл. Фрэнки Галлахер вышел в приемную и, стараясь говорить спокойным безразличным тоном, сообщил секретарше: – Мэри, я выйду на угол куплю сигарет. Если кто будет звонить, скажи, что я вернусь через полчаса.

Он спустился на лифте в вестибюль и вышел на улицу. Холодный ветер с залива резко дохнул ему в лицо. Конец декабря в Сан-Франциско в этом году был необычайно суровым. Холода обещали продержаться до Нового года. Фрэнки поежился и поднял воротник пальто. Быстрым шагом он дошел до телефонных будок на углу и вошел во вторую справа. Это был его «связной» телефон-автомат, куда ему звонили секретные агенты, платные осведомители и – Майкл. Он постоял несколько минут, напряженно оглядывая никелированные бока телефона. В начищенном до блеска металле отражалось его лицо. Наконец раздалась переливчатая трель звонка. Чуть дрожащей рукой он снял трубку.

Это был Майкл.

– Ну что там у тебя стряслось? Гостя встретил? – Голос теперь звучал насмешливо.

– Да, – ответил Фрэнки и похолодел: Майкл все знает! –

Ты в курсе, значит? Но каким образом?.. Хотя это уже неважно. Что же мне теперь делать? Как отыграть все назад?

– В настоящее время от тебя требуется только одно – отменить приказ. Ты понял меня? Остальное – моя забота.

– Но как я смогу... – начал Фрэнки.

– Езжай туда немедленно! – резко оборвал его суровый голос из Вашингтона. – Как хочешь, а этот парень должен быть цел и невредим. Завтра он выйдет оттуда и в сопровождении наших людей будет отправлен в аэропорт к ближайшему рейсу на Москву. Нужно, чтобы Ховански или ты, а лучше оба, от имени правительства Соединенных Штатов принесли ему свои извинения. На него ничего нет. Его арест был ошибкой. Ясно? Все.

У Фрэнки от волнения закружилась голова. Он облизал пересохшие губы языком и пробормотал срывающимся голосом:

– Но ведь он оформлен по всем правилам. Есть протокол задержания. Рапорты полицейских. Свидетельские показания. Прокурор Джуди Хант развернул бурную деятельность – он кричит, что напал на доказательства каких-то совместных тайных дел калифорнийской мафии с этим Игна... парнем. Он ведь так просто от этого не отвяжется! И журналисты не отстанут. Это же свора голодных и жадных до жареных фактов псов.

В трубке на мгновение повисла тишина.

– Я попробую поговорить с некоторыми людьми в Ва-

шингтоне. Кое-кто мне обязан. Так что с этой стороны я организую поддержку, а ты попробуй подобрать ключик к окружному прокурору, я слышал, у тебя с ним приятельские отношения...

– Все это так, но...

– Вот и отлично! – радостно воскликнул Майкл. – Делай, что я тебе сказал. И поторапливайся – время не терпит!

Фрэнки не хотел задавать Майклу ключевого вопроса. Но не смог удержаться.

– Скажи, Майкл. Очень тебя прошу – ответь, для меня это очень важно. Этот старик... Ну, с которым я сегодня встречался... Он... Ему про меня действительно что-то известно?

– Да. Все.

– А кто он? Твой... друг?

– Он не просто мой друг, Фрэнки. Он мой добрый старый друг, – выделяя каждое слово, заговорил Майкл. – И что самое главное – человек порядочный. Ему можно доверять. Я выразился ясно?

– То есть ты хочешь сказать, – заторопился Фрэнки и почувствовал, как его лоб покрылся крупными каплями пота, – что если он... обещает, то его обещанию можно верить?

На другом конце провода раздался иронический смешок.

– Можно, Фрэнки. А тебе советую впредь всегда вначале думать, а потом уже... расстегивать ширинку. Понял?

Фрэнки Галлахер на ватных ногах вышел из телефонной будки и медленно побрел по заснеженной улице. Он едва не

забыл купить в газетном киоске пачку сигарет «Кул-ментол».

Глава 13

Убойный материал

Уже через час Фрэнки листал подробный доклад о происшествии в исправительном центре. Из докладной следовало, что русский хорошо тренирован, умеет мыслить хладнокровно и даже из самой неблагоприятной ситуации способен извлекать какие-то преимущества. А как профессионально он разделался с тремя отпетыми уголовниками! Так мог действовать только специально обученный человек.

Фрэнки сделалось жарко, и он мазнул рукавом рубашки по потному лбу. Агенты российских спецслужб ему стали мерещиться даже в исправительном центре. Не иначе как издержки профессии. Определенно нужно обратиться к психиатру.

Подумав, Фрэнки набрал телефон Гарри Скотта – одного из ведущих репортеров вечерних новостей. Их связывала дружба, начало которой было положено в далекой Москве, где они вместе охраняли здание посольства. Гарри был неисправимый волокита и сердцеед и все свое время проводил в окружении многочисленных подруг, бездумно тратя на них все свое жалованье. Гарри запомнился веселым и беспечным парнем, который, казалось, был создан для того, чтобы перепортить лучшую половину человечества и с цветков удовольствий кружками лакать густой и сладкий нектар.

Со времени их первой встречи он изменился только внешне – растолстел, полысел, длинный с горбинкой нос теперь украшали квадратные в золотой оправе очки, а на шикарных пестрых галстуках теперь он стал носить платиновые заколки. Но в сущности он оставался все тем же неумным Гарри, который по вечерам в кабинете тискал и ласкал смазливых переводчиц, и уборщицы частенько в урне для корзин находили свидетельства его неумной похоти.

Имея троих детей, он смело ухаживал за молоденькими журналистками, зная, что даже самая могучая твердыня не сумеет устоять перед его невероятным темпераментом и огромным обаянием. И действительно, редко какая женщина отклоняла его предложение послушать наедине в одной из многочисленных комнат телестудии уроки об искусстве репортажа.

Несколько раз Фрэнки предоставлял Гарри материалы об итальянской и китайской мафии. Подобный шаг всегда был согласован с высшими инстанциями и требовался в первую очередь в интересах дела, чтобы повлиять на общественное мнение. Сейчас он решил действовать в одиночку.

– Гарри, это ты?

– Да.

– Приезжай немедленно. Я тебя жду.

– А что случилось?

– Так, небольшая сенсация.

– Может, мне лучше отправить кого-нибудь из стажеров.

Я сейчас очень занят.

– Нет, нужен ты лично.

Гарри был не только самый знаменитый сердцеед телестудии, он был еще и отличный журналист, и, высоко оценивая его профессиональные качества, совет директоров частенько закрывал глаза на его многие чудачества. И если дело касалось чего-то стоящего, он мог примчаться к месту событий даже с расстегнутыми штанами. Поэтому Фрэнки не удивился, когда через пятнадцать минут раздался стук в дверь. Гарри Скотт никогда не звонил – он всегда стучался и делал это с настойчивостью репортера, рвущегося навстречу сенсации. Впрочем, так могла стучаться и полиция, имеющая санкцию от прокурора. Если бы дверь не была бронирована, то она наверняка разлетелась бы под кулаками-кувалдами талантливого репортера.

– Фрэнки, я тебя убью! – пригрозил Гарри, едва шагнув в комнату своего приятеля. – У меня накопилась масса дел, а ты заставляешь меня все это бросить и лететь к тебе за твоей долбаной сенсацией. И объясни мне наконец, почему вместо меня нельзя было прислать другого человека?

Все срочные дела Гарри Скотта можно было пересчитать по пальцам: первое, к ним в штат зачислили новенькую хорошенькую журналистку, и он решил взять над ней шефство; второе, ему срочно нужно найти вескую причину, чтобы оправдаться перед начальством за очередной загул; третье, ему нужно найти уважительную причину и для жены за

свое долгое отсутствие; четвертое, он подхватил очередную гадость и личные проблемы теперь волнуют его больше служебных. Но самая вероятная – скорее всего, своим звонком Фрэнки поднял Гарри с очередной пассивности.

– Если я так поступил, значит, была необходимость.

– И что же это за необходимость? – рычал Гарри.

– Я у тебя хочу спросить: что ты знаешь об исправительном центре?

– Ровным счетом – ничего! – уверенно прошел Гарри в комнату. Заметив на столе банку пива, он энергичным жестом открыл ее и отпил несколько глотков. По лицу журналиста пробежало блаженство – холодное пиво пришлось ему по вкусу. – Ты же знаешь, как только начальником тюрьмы стал этот свинья Том, так он гонит взащей всю журналистскую братию. Это недемократично!

Фрэнки выразил сочувствие – даже своему близкому другу он не стал бы рассказывать о том, что исправительный центр стал закрытым по его личной инициативе. И, надо признать, он потратил немало сил, чтобы отвадить ретивых журналистов от экспериментальной базы ФБР.

– Как я тебя понимаю, Гарри. И для того, чтобы восстановить справедливость, возьми вот эти документы. Из них получится очень неплохой материал.

Скотт почти лениво потянулся за листами бумаги, всем своим видом давая понять, что берется за это дело только во имя давней дружбы. Это была обычная привычка Гар-

ри, даже из собственной просьбы суметь сделать одолжение. Как будто бы нехотя перевернул одну страницу, быстро пробежал глазами по ровным строчкам, перевернул вторую. В глазах загорелось любопытство, которое скоро переросло в трудноскрываемый интерес. У Гарри Скотта был профессиональный нюх на сенсации, а из этих нескольких страниц можно вытащить куда больше чем рядовой материал. Если подойти с умом, то можно сделать цикл рейтинговых передач, в которых пойдет речь о правах заключенных в тюрьмах. Это очень гуманно и сейчас очень модно. Грамотно построенные передачи позволят ему пробиться в десятку лучших репортеров Америки. И вот тогда он наконец осуществит свою давнюю мечту и станет одним из учредителей канала. А через год-другой и его хозяином.

– Я беру у тебя этот материал, Фрэнки, – без особого энтузиазма проговорил Гарри. – Я тебе уже как-то говорил, что сейчас в совете директоров очень много случайных людей. Мне будет непросто убедить их в целесообразности этой затеи.

Хотя для себя он уже определил, что подготовит материал в ближайшие несколько часов и покажет его в самое удачное время, когда половина страны прилипнет к телевизору. Он даже не станет согласовывать свое решение с дирекцией, подозревая, что ответ может быть отрицательным. Он давно уже вышел из того возраста, когда взрослые дяди водили его за ручку и с видом ученых мужей рассказывали, как

строить телевизионные передачи. Сейчас он сам был звезда и имел не только свою точку зрения на перспективу развития телевидения, но мог позволить себе такую шалость, как послушаться хозяина канала.

– Я пойду на это только ради нашей дружбы.

– Спасибо, Гарри, – не сумел сдержать вздох облегчения Фрэнки.

– Кстати, помнишь, в прошлом месяце я заглядывал к тебе в управление?

– И что? – недоуменно спросил Фрэнки, не понимая, куда клонит Гарри Скотт.

– Я заметил, что у тебя в офисе работает прехорошенькая секретарша. Ты вот что, сделай мне любезность, познакомь меня с ней.

Гарри Скотт любил смешивать работу с удовольствиями, от этого крепкого коктейля он всегда получал дьявольское наслаждение. Всюду, где бы он ни бывал, он умел знакомиться с хорошенькими женщинами, и порой казалось, что репортерская работа всего лишь предлог, чтобы приятно провести остаток вечера.

– Гарри, старина, ты совсем не меняешься, – дружески похлопал Фрэнки по плечу приятеля. – Когда ты сделаешь репортаж об этой чертовой тюрьме, так я познакомлю тебя с десятком таких секретарш. Уверяю тебя, ты полгода не будешь снимать штаны.

– Смотри же, Фрэнки, я ловлю тебя на слове, – погрозил

пальцем Гарри Скотт и с радостью влил в себя остатки пива.

* * *

После разговора с Томасом Фрэнки набрал телефонный номер окружного прокурора. Джуди Ханта. Между ними еще несколько лет назад сложились приятельские отношения: они были членами одного клуба, а кроме этого встречались на светских раутах, которые устраивала мэрия в честь стражей порядка. А год назад в конфиденциальной беседе он попросил отыскать сбежавшую из отчего дома шестнадцатилетнюю дочь и, по возможности, выявить ее окружение. Еще через три дня он нашел дочь прокурора в одном провинциальном городке штата со своим великовозрастным любовником, который оказался к тому же еще безнадежным наркоманом и профессиональным сводником. Можно было не сомневаться в том, что, наигравшись с живой игрушкой, он наверняка вышвырнет девочку на улицу, где она станет при-торговывать своим телом за тридцать долларов в час.

Фрэнки вернул тогда непутевую дочь к измученным неизвестностью родителям, а парня упрятал в исправительное учреждение.

Сам Джуди Хант выглядел очень успешным человеком, и с его круглого лица никогда не сходила располагающая улыбка. Могло показаться, что он был создан природой для того, чтобы покорять женские сердца. Однако он не имел ника-

ких увлечений и продолжал любить жену с чувством пылкого юноши. Фрэнки было известно о том, что супруга прокурора не всегда откровенна со своим мужем и имеет несколько связей, о которых бедный Джуди совершенно не догадывается. Но самым опасным ее любовником был Смит Холл – по оперативным данным, он входил в высший совет сицилийской «коза ностра» и курировал торговлю наркотиками. Фрэнки не однажды пытался завести с окружным прокурором разговор о привязанностях его жены, но всякий раз не отваживался заговорить о главном, глядя в располагающее лицо приятеля.

Фрэнки Галлахер не злоупотреблял расположением окружного прокурора и никогда не обращался к нему за помощью, но он знал, что когда-нибудь наступит день, когда ему потребуется его авторитет и влияние. И этот момент наступил.

Раздались длинные телефонные гудки, прервавшиеся внезапно.

– Джуди Хант слушает, – услышал Галлахер красивый голос окружного прокурора.

– Джуди, это звонит Фрэнки. Извини, что я тебя побеспокоил, но мне нужна твоя помощь.

– Не стесняйся, Фрэнки, говори, в чем там дело, ты же знаешь, я твой должник.

– Ты знаешь о том, что сейчас у нас в тюрьме находится русский мафиози?

– Сейчас об этом столько пишут, что об этом знает даже окружной прокурор, – пошутил Джуди в своей обычной манере.

Фрэнки представил, как по лицу Джуди Ханта скользнула снисходительная улыбка.

– Извини, Джуди, я не с того начал...

– Фрэнки, ты слишком часто извиняешься, давай, наконец, выкладывай, в чем там у тебя дело.

– Дело в том, что мой отдел занимается именно этим русским и его связями, и сейчас мы очень заинтересованы, чтобы отправить его обратно в Россию.

– Что так?

– Во-первых, у нас хватает своих мафиози, а во-вторых, мы выжали из него все что смогли, и теперь он не представляет для нас никакого интереса.

– По газетным публикациям никак не скажешь, что вы сумели вытрясти из этого парня все, что смогли.

– Не могут же знать газетчики наши оперативные разработки.

– Тоже верно.

– А распространяться на эту тему, сам понимаешь, нам ни к чему. И потом, когда он отсидит свой срок и захочет остаться в Америке, тогда нам избавиться от него будет куда труднее. А наш исправительный центр – это не лечебница, он сумеет наладить связи со многими мафиозными кланами и в дальнейшем будет куда опаснее, чем сейчас.

– Я тебя понял, для меня это не составит большого труда. Я распоряжусь, чтобы завтра подготовили соответствующие бумаги для того, чтобы оформить его персоной нон грата. Это твоя единственная просьба?

– Джуди, у тебя есть возможность перевести начальника исправительного центра Томаса Ховански куда-нибудь в другое место? Парень там явно заработался и давно заслуживает повышения.

В трубке возникло некоторое молчание, после чего прокурор заговорил с расстановкой:

– После всей этой шумихи, что творится вокруг тюрьмы, общественность может не так понять... Да и... Это не в силах моего ведомства. – Фрэнки почувствовал, как холодный пот выступил на шее и белая рубашка неприятно обтянула спину. Все пропало! Словно почувствовав напряжение Фрэнки, Джуди спросил: – Это тебе очень надо?

– Да!

– Сделать это будет непросто. Но хорошо, я кое-что придумал. В этом ведомстве работают мои друзья, которые мне многим обязаны, и я постараюсь убедить их перетащить его к себе.

– Это было бы очень здорово!

– Я тебе позвоню завтра утром и сообщу, куда он будет переведен.

– Я твой должник, Джуди.

– У тебя есть еще что-нибудь, Фрэнки? Ты что-то недого-

вариваешь.

– Джуди, не знаю даже, как тебе сказать...

– Не тяни, в чем дело?

– Джуди, твоя жена путается со Смитом Холлом... Извини, я должен был это сказать. Я подумал, что пусть лучше ты услышишь это от меня.

Некоторое время Джуди молчал, стойко выдерживая удар. После чего произнес совсем тихо:

– Спасибо тебе за откровенность, Фрэнки.

Через секунду раздались частые и громкие гудки.

* * *

Джуди Хант не обманул – в восемь часов утра он разбудил Фрэнки телефонным звонком и сообщил, что для Ховански он сумел подыскать неплохое место в Министерстве юстиции и теперь его польский приятель будет курировать половину тюрем штата.

С этой новостью Галлахер перешагнул порог исправительного учреждения, где его с унылым видом дожидался Томас.

Происшествие в тюрьме по-прежнему продолжало оставаться событием дня, и у ворот учреждения дежурили толпы назойливых журналистов, рассчитывая хотя бы на небольшое откровение начальника тюрьмы.

Однако Ховански третьи сутки не покидал территорию тюрьмы и стойко переживал осаду репортеров. Поглядывая

из окон своего кабинета на журналистов, шумно наскакивающих на каждый выезжающий автомобиль в надежде отыскать в салоне самого популярного человека недели, он думал о том, с какой радостью засадил бы всех этих репортеров в одну камеру, а потом бы с радостью выгуливал их по тюремному дворику.

Своей неумной прытью журналисты напоминали ему стаю воробьев, атакующих брошенную корку хлеба. Особенно раздражал его высокий и рыжебородый детина, который совал микрофон в зубы каждому входящему. Даже через толстые стекла он слышал его резкий и пронзительный голос, который задавал один и тот же вопрос:

– Не собирается ли Томас Ховански уходить в отставку?

Машину Фрэнки он тоже заметил из окна и понял, что не способен усидеть в своем кабинете, и поспешил навстречу агенту ФБР: час назад Фрэнки сообщил ему по телефону, что он сдержал свое обещание и у него имеются неплохие новости.

– Как ты себя чувствуешь? – бодро поинтересовался Галлахер. – Подъезжая к тюрьме, я сначала подумал, что у ворот проводится какой-то митинг в защиту заключенных. А потом понял, что для собственной рекламы ты переманил к исправительному центру всех журналистов города. Объясни мне, приятель: чем ты их взял? Может быть, предложил им поменять свои дома на комфортабельные камеры? Я смотрю, они клюнули на твою уловку! А ты ловок! Я ведь сам

давно мечтаю о том, чтобы упрятать всех надоедливых журналистов как можно дальше.

Фрэнки излучал благополучие. Его улыбка красноречиво говорила о том, что он доволен жизнью и даже казенная атмосфера тюрьмы не способна подействовать на него угнетающе.

– Ты спрашиваешь, как я себя чувствую? А как должен чувствовать себя человек, которого жарят на сковородке? Я уже не сплю по твоей милости третьи сутки. Не выхожу из тюрьмы, чтобы не столкнуться нос к носу со сворой борзописцев, которые только и жаждут, чтобы поместить мою физиономию, помятую бессонными ночами, на первые полосы газет, – сухо пожал Том протянутую руку.

– Том, дружище, у тебя отныне нет повода для беспокойства, – слегка приобнял здоровяка за плечи Фрэнки. – Завтра из министерства придет важная бумага о том, что ты получаешь новое высокое назначение.

– И где же я буду работать? – недоверчиво посмотрел Том в жизнерадостную физиономию Фрэнки.

– Тебя переведут в Министерство юстиции. С завтрашнего дня в твоём ведомстве будет половина тюрем штата. Ты идешь на повышение, Том, тебе очень пойдет эта должность. Только обещай мне, что когда меня арестуют за мои явные и мнимые грехи, то ты подыщешь для меня тюрьму попрличнее.

Томас Ховански широко и добродушно улыбнулся: все-

таки этот фэбээровец неплохой парень.

– Разве я могу отказать своему другу в такой малости. А что будет с русским?

– С русским вопрос тоже решен. Послезавтра он будет выслан из страны. А теперь, я думаю, ты угостишь меня чашкой кофе? Знаешь, у меня был тоже очень непростой день.

Глава 14

Отлет на родину

Аэропорт Сан-Франциско гудел как потревоженный улей. Возбужденные туристы, нагруженные яркими баулами и чемоданами, и похожие друг на друга как две капли воды деловитые командированные с портплекдами через плечо толпились у стоек регистрации, баров, журнальных киосков. Под высоким потолком международного терминала то и дело гулко раздавались объявления о прибытии очередного рейса. В этой шумной толчее никто не обращал внимания на компанию четырех мужчин, решительно разрезавших толпу пассажиров. На первый взгляд могло показаться, что эти четверо – небольшая официальная делегация. Подчеркнуто строго держались трое двухметровых молодцев, аккуратно, с трех сторон оберегавшие от неосторожных авиапассажиров четвертого – крепкого мужчину с колючим настороженным взглядом. Четверка, искусно лавируя между стайками туристов, миновала мужской туалет и комнату службы безопасности аэропорта, подошла к узкой стальной двери без вывески и, мягко толкнув ее внутрь, исчезла в черном зеве коридора. Дверь бесшумно затворилась...

Егор Сергеевич не спеша извлек из сумки бинокль и поднес его к глазам. Мощные окуляры многократно приблизили к себе стоящие в ряд самолеты. Нестеренко перевел би-

нокль на группу пассажиров у трапа российского «Ил-96». Рассекая взлетное поле, к самолету подъехал черный джип, из которого вышли четыре человека. Нестеренко разглядел Варяга в окружении троих мужчин. Коротко постриженные затылки, уверенные взгляды, подтянутость и независимость, с которой они держались среди пассажиров, указывали на то, что это люди из ФБР.

Нестеренко посмотрел на руки Варяга. Конечно, этого следовало ожидать: на правом запястье он рассмотрел наручники, которые крепко сцепили его с левой рукой одного из сопровождающих. Они остановились у трапа, пропуская вперед всех пассажиров, о чем-то недолго посоветовались и потом стали подниматься по ступенькам. Варяг ничем не отличался от троих охранников и был одет так же строго: неброская дубленка поверх серого костюма в полоску. Вот только выглядел он несколько устало, даже гладко выбритое лицо не сумело скрыть отпечаток пережитого. Наконец они поднялись на площадку, где их встречала молоденькая стюардесса. В ее лице было столько ласки, как будто к ней одновременно пожаловали четверо любовников. Варяг повернулся лицом в сторону стеклянного купола аэровокзала и поднял вверх свободную руку, а потом, увлекаемый фэбээровцем, шагнул в салон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.